

Сергей Добряков

Судьбы
в режиме
танго

Пьесы и рассказы

18+

Сергей Валериевич Добряков

Судьбы в режиме танго

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70530967

SelfPub; 2024

Аннотация

Сергей Валериевич Добряков родился в 1969 году в Ленинграде. Закончил филологический факультет СПбГУ, затем аспирантуру в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Преподавал в ЛГУ имени А. С. Пушкина, занимался научной работой. Имеет публикации, связанные с исследованием творчества Н. С. Лескова, К.Н. Леонтьева, А.А. Фета, И.С. Тургенева, А.А. Григорьева. В последние годы увлекся также литературным творчеством. Основная тема пьес и рассказов, вошедших в сборник «Судьбы в режиме танго», – самоопределение человека в разные исторические эпохи, среди как обычных, так и непростых обстоятельств.

Содержание

Болезнь без нужды.	4
Судьбы в режиме танго	73
Тевлик Субботовский	137
Незадолго до одной катастрофы	166
Скрытая идиллия	179

Сергей Добряков

Судьбы в режиме танго

Болезнь без нужды.

Драматическая поэма в прозе

Три части. Две интермедии. Эпилог

*Царь, ждёт тебя расплата. Хочешь – мы
Уйдём от них? Тебя я спрячу в чёрный
Далёкий дом.*

*Иннокентий Анненский.
«Царь Иксион»*

Действующие лица в порядке их появления перед зрителями:

ВАСИЛИЙ ПРИЛЕГАНОВ

МАРИНА ЗЕМЦОВА

АЛЕКСЕЙ УЦЕПИН

АНДРЕЙ НЕРЕИТИНОВ

АНЯ

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПРИЛЕГАНОВ, дед ВАСИ-

ЛИЯ

ЮРА СОКОЛОВ

ГУЛЯЮЩАЯ ПУБЛИКА. В 1-й части её появление желательно. Во 2-й интермедии и 3-й части – на усмотрение постановщика.

Между 1-й интермедией и 2-й частью проходит 4 года. Между 2-й частью и 2-й интермедией – ещё 7 лет с лишним.

Часть I

Действующие лица:

ВАСИЛИЙ ПРИЛЕГАНОВ, 17 лет. Очень напряжён, замкнут и аккуратен. Постоянно старается проявлять выдержку.

МАРИНА ЗЕМЦОВА – его бывшая одноклассница, 17 лет. Красива, хорошо осознаёт это. Выглядит тем эффективнее, чем проще или строже одевается.

АЛЕКСЕЙ УЦЕПИН – студент, 19 лет. Атлетически сложен, раскованный, но не наглый. Сходу производит приятное впечатление.

АНДРЕЙ НЕРЕИТИНОВ – школьник, 15 лет. Родственник ВАСИЛИЯ ПРИЛЕГАНОВА. Сильный, ловкий, вообще спортивный.

АНЯ – подруга и ровесница Андрея. Стройная девушка-подросток.

ГУЛЯЮЩАЯ ПУБЛИКА.

Место действия – один из тех южных пригородов Санкт-Петербурга, которые некогда складывались вокруг летних императорских резиденций.

1

На сцене – один из углов парка. В небольшом количестве среди густой зелени расставлены скамейки. Здесь малолюдно или даже безлюдно, несмотря на солнечный летний день. Время от времени издали доносится музыка. Звучат легко узнаваемые мелодии Михаила Глинки, Георгия Свиридова, Исаака Шварца.

ВАСИЛИЙ ПРИЛЕГАНОВ один на скамейке.

Рядом с ним – большой пластиковый пакет.

Оттуда Прилеганов вынимает запечатанную коробку с лекарствами. Рассматривает. Что-то прикидывает в уме. Возвращает коробку в пакет. Сразу извлекает оттуда новую. Те же манипуляции. Эта немая игра воспроизводится несколько раз подряд.

ПРИЛЕГАНОВ. Значит, инсулина точно хватит на ме-

сая... Рецепты закрыты... Ещё спасибо, что эти инсулины не выведены из нормы поставок... А... Всё равно шприцы за деньги покупать придётся. Мама, как всегда, вздохнёт вслед за фактом... А я и папа – вслед за мамой... Хотя за деньги мы даже инсулин имеем... Плюс деньги сами по себе есть... (Через паузу.) Съем хлеба. Ходил сейчас по парку, как царь или идиот... Ещё уровень сахара в крови собьётся. Тогда, как известно, будет гипогликемия. А слово тупое и уродливое... А? И связанные с ним симптомы.

Из пластикового пакета наш юноша вынимает другой – полиэтиленовый. Там немного чёрного хлеба. Не без осторожности, но живо хлеб ест.

Вот был бы какой-нибудь клон. Болел бы, урод, диабетом вместо меня. А я бы жил нормальной жизнью... Как все!

Осторожно съедает два куска хлеба. Потом засовывает почти пустой полиэтилен на прежнее место. Откидывается на спинку скамейки. Недолго сидит, расслабившись. Потом переводит дух и поднимается. Неуверенно, но последовательно подходит как можно ближе к рампе.

Вот солнце светит. Ветер рвётся сквозь зелень. Если в ясную погоду идёшь, где всё заросло и аллеи поглуше... Солнце ведь и тут чувствуется! А потом выходишь на поляну.

Там, если небо совсем чистое и солнце светит во всю силу... Иди в его сторону... Иди... Иди!

Тихо возвращается назад, ближе к скамейке.

Только не пойдёт ведь со мной никто. О Марине тут лучше не думать. И Алёшка сейчас не близок. А помогал мне... Андрей, конечно, за меня порвёт. Себя и других. Как родственник. Но он живёт на том конце. И школа у него другая. Видимся сейчас вообще что-то редко... А остальные?.. В школе меня вон как унижали. Из-за того, что больной. Пусть даже я за себя стоял... Но девчонки... Издеваются хуже, чем парни. Только Марина и жалела. А в какой парк от школы удрать? Да во дворе ещё было... *(Озирает всё вокруг себя.)* Царя вот тут хоть охрана от реальной жизни ограждала. И то до революции. А я?! Хоть бы сейчас люди рядом не ходили. Пока... Ну... Совсем недолго. А куда от них денешься?

Садится на прежнее место.

2

МАРИНА ЗЕМЦОВА и АЛЕКСЕЙ УЦЕПИН появляются и садятся по соседству с ПРИЛЕГАНОВЫМ, на одну из пу-

ствующих скамеек. В течение дальнейшего действия он их слышит, но не видит. Они его не видят также.

МАРИНА. Давай посидим немного.

АЛЕКСЕЙ. А давай.

ПРИЛЕГАНОВ остаётся на месте, сидит тихо, слушает очень внимательно. Старается держать себя в руках. До конца сцены на все реплики МАРИНЫ и АЛЕКСЕЯ реагирует исключительно мимикой и (или) жестами. Никакого шума с его стороны.

АЛЕКСЕЙ. Посидим. А потом, если хочешь, пойдём на пруд к дамбе. *(Показывает.)* Вот так. По о-очень косо́й диагонали, на северо-запад.

МАРИНА. К дамбе?

АЛЕКСЕЙ. Если хочешь.

МАРИНА. Не очень... Там, конечно, купаться хорошо. Только сидеть негде. Пляж дикий. А на траве я не люблю. Вообще, как помню, реставраторы по тем местам всё время плачут.

АЛЕКСЕЙ *(уверенно и с весёлым спокойствием)*. А я травы не боюсь. Тем более клещей нигде нет. И воды тоже не боюсь. Вчера вон ехал из Питера по той дороге. *(Кивает головой в ту же сторону, куда показывал до этого.)* Так я прямо с электрички через посёлок... На пруд – и в воду. Нет,

плыву на другой берег, и пот смываю, и пыль... Чистым выходишь, типа того.

МАРИНА (*что-то слишком нейтрально*). Следишь, значит, за внешним видом?

АЛЕКСЕЙ. А чего, закон запрещает?.. А ты, между прочим, поплавать не хочешь? Слегка...

МАРИНА. А я могу... И до мини-бикини раздеться. И в воду залезть. И поплавать. А потом мы бы вылезли из воды. Зашли бы за кусты. Чтобы нас никто не видел. Сели бы на траву. Рядом...

АЛЕКСЕЙ (*невинным тоном*). Давай дальше!

МАРИНА. Ты сказал, у тебя зачёт был?

АЛЕКСЕЙ (*не сразу*). Крутой довольно.

МАРИНА. А ты?

АЛЕКСЕЙ. Естественно. сдал. Причём без коррупции. Тебя, кстати, тоже зачёты ждут. Когда поступишь.

МАРИНА. Я и так сдаю всю дорогу. С перерывом на выпускной вечер. Нет, может, нервы ещё и не сдадут.

АЛЕКСЕЙ (*с уверенностью*). Однозначно не сдадут. Тем более это написано на твоём прекрасном, гордом и загадочном лице. (*С жёсткой ноткой.*) Ясно, любовь моя?

МАРИНА. Уже любовь? По-моему, ты меня ещё даже в гости не звал. А прогулка у нас вторая по счёту. Не забыл?

АЛЕКСЕЙ. Я влюбиться не имею права?

МАРИНА. Значит, со старухой, что с тобой была, ты уже расстался?

АЛЕКСЕЙ. Вспомнила! Да я с ней два года назад расстался! К ней теперь какой-то задёрванный бизнесчел ездит. То же её моложе. *(Пауза.)* Кстати, мама у меня только потом всё узнала.

МАРИНА. Как и я. *(Небольшая пауза.)* А ты нормально поступил. В этот свой... Но студентки тебя разочаровали. А может, удовлетворили?!

АЛЕКСЕЙ. А ты чего... Серьёзно ревнуешь? *(Через паузу, быстро.)* Так ты скажи, я тебе такую крутую нежность организую... *(Жёстко.)* Все твои интеллигентные родители целенаправленно свалятся к моим мускулистым ногам!

МАРИНА. Наверное... Особенно если узнают, как мы вдвоём сделали тех трёх уродов.

АЛЕКСЕЙ. Ты вот, кстати, умная, что тренировки не бросила.

МАРИНА *(не сразу)*. Нет, конечно, спасибо, что ты мне подсказал именно эту секцию. И папа с мамой были умными – согласились. Бабушка вообще на них нажала... А ты как тогда на меня смотрел? В койку не звал. Значит... Что имел в виду?

АЛЕКСЕЙ. А чего? Помог хорошей девочке по-соседски. Типа как филантроп. Правда... Я дальше тогда не думал.

МАРИНА. Тем более у тебя в твои шестнадцать лет образовалась...эта... Другой ведь уровень.

АЛЕКСЕЙ. Вы повторяетесь, мисс Марина Земцова.

МАРИНА. Так... А сейчас... Знаешь, что добавь? «Когда

у меня везде всё, вы уже взрослая и полностью похорошели». Будет полная лав-стори!.. Если, конечно, я захочу!

АЛЕКСЕЙ. А я всё пойму. Чего захочешь. Только... Морального слабака из меня не делай. Я не такой.

МАРИНА. А ты какой? Сильнее Васи Прилеганова?

АЛЕКСЕЙ *(не сразу)*. А ты его знаешь?

МАРИНА. А мы с ним в одном классе. То есть теперь – были. Ты не запомнил, наверное.

АЛЕКСЕЙ. Он же больной. Диабетик.

МАРИНА. Это ещё при тебе вся школа поняла. *(После паузы.)* Нет... Ну надо же... Одни, кстати, просто испугались. Другие решили, что он теперь неполноценный. А он, между прочим, и Ницше... И вообще, такую литературу читает... Я, например, не осилила. А ты вообще не старайся. И по краеведению на олимпиадах Вася выделился... Его, между прочим, ни одна тусовка не удовлетворила. Ты это понимаешь?!

АЛЕКСЕЙ. А с кем он может разобраться? Его же любой силовой разговор в реанимацию отправит. *(После небольшой паузы.)* Я вот помогал ему... Например, защитил...

МАРИНА. Понять не могу, как тебя тогда не посадили. Или альтернативно не порвали. В смысле – на куски.

АЛЕКСЕЙ. Просто надо разбираться чисто. Плюс оппонента прессовать психологически. Так, чтобы мстить потом не решился. А Васёк вообще... Любую группу научился просекать фиг за сколько... Не пацан, а сигнализация! При этом не трус. Тяжело ему. Но не боится.

МАРИНА. На случай, если вы общаетесь. Я ему очень нравлюсь.

АЛЕКСЕЙ (*не сразу*). Контактков искал?

МАРИНА. Зачем? Мы и так в классе встречались. Говорим нормально. Только о любви – ничего. Я просто чувствую. А он в себе держит. Всем бы так уметь.

АЛЕКСЕЙ. Да уж...

МАРИНА. Мне Вася не нужен. Как парень. И он это знает. Но мне его жалко. Мозги у него, тут ты и сам давно понял. А здоровья ноль.

АЛЕКСЕЙ. По жизни вообще всё возможно. Вон, мой отец... Знаешь, как его делали? Ладно, хоть инвалидом остался. А долго не жил всё равно. Только... Я помню, как он говорил: «Жизнь надо преодолевать. Даже если человек вот такой».

МАРИНА. Значит, его морально никто не подавил.

АЛЕКСЕЙ. А мне с моим здоровьем трусом, что ли, быть? И держаться я умею. Это тоже надо.

МАРИНА (*медленно*). Мой папа говорит, что люди на свете вообще живут в противовес катастрофам. Но плохо это понимают. А ты как думаешь?

АЛЕКСЕЙ. Лично меня прогибаться под катастрофы не тянет! (*Быстро встаёт без помощи рук.*)

МАРИНА. Насиделся, Алёша Уцепин? (*Встаёт тем же образом.*)

АЛЕКСЕЙ. Насиделся, Мариночка Земцова. Может, пой-

дём?

МАРИНА. Не возражаю.

АЛЕКСЕЙ. Всё-таки на пруд?

МАРИНА (*резко*). Афродиту в мини-бикини я перед тобой сыграть ещё успею. Потерпишь! У меня же дела. Давай выйдем сейчас отсюда. И домой меня проводи.

АЛЕКСЕЙ (*через небольшие паузы*). А вообще... Ты со мной... отношения... строить будешь? Давай точно.

МАРИНА. Сам решай. Я в мои семнадцать лет к отношениям пока не рвусь. Может, и рано. У людей вообще весь двадцать первый век пока что впереди. Только тебя я буду ревновать. И дополнительно воспитывать. Заведёшься из-за этого – держать не буду. Я ведь без парня не останусь.

АЛЕКСЕЙ. Нет, ну... Ты точно умная не по возрасту.

МАРИНА. А ум – не возраст. Это мне бабушка уже давно сказала. Пошли, любимый.

АЛЕКСЕЙ. Пошли, любимая.

Уходят, так и не заметив ПРИЛЕГАНОВА.

НЕМАЯ КАРТИНА

ПРИЛЕГАНОВ молча сидит на скамейке. Даже наедине с собой он сейчас боится выражения своего лица. А значит – и того, что чувствует. Натягивает на себя маску непроницаемости, хотя для кого ему стараться, если рядом людей нет? Наконец встает с места, как-то ощутимо подтянувшись. Берёт в руку пластиковый пакет. Вначале делает несколько шагов в сторону рампы. Потом поворачивается и уходит вглубь сцены.

Перемена декораций. Пруд, вдоль берега которого проложено несколько дорожек. Через пруд перекинут старьй гранитный мост. Справа от моста небольшие роици. За ними – дворец. Близко к зрителю, также справа, но довольно далеко от моста и дворца – гранитные же ступени, уходящие

прямо в пруд.

Здесь много *ГУЛЯЮЩЕЙ ПУБЛИКИ*. Некоторые, особенно молодые – в мундирах, партикулярных костюмах и дамских туалетах пушкинской эпохи. Остальные – в современной одежде. Музыка звучит уже достаточно громко. И вообще, становится шумно.

ПРИЛЕГАНОВ «глух и слеп» ко всему окружающему. Он стоит на мосту, опираясь одной рукой на перила. В другой держит пакет. Вздыхает тяжело. Потом замечает плавающего в пруду *АНДРЕЯ НЕРЕИТИНОВА*. Видит, как он подплывает к ступеням, ухватившись за них, легко вылезает на берег. Потом *АНДРЕЙ* оглядывается, но налево, в сторону моста не смотрит. *ПРИЛЕГАНОВ*, видимо, сомневается – окликать или нет...

АНЯ показывается на прибрежной тропинке правее ступеней. Судя по её платью и шляпе, она должна изображать кого-то вроде Татьяны Лариной на прогулке.

АНДРЕЙ. Хелло, Энни!

АНЯ. Андрюша... Ты что, купался?

АНДРЕЙ. Освежился. Поплавал немного. А потом снова хотел тебя искать.

АНЯ. Ну, с этим шествием... Сейчас хоть наш номер отработали – уйти можно.

АНДРЕЙ. А всё хорошо вышло... Погоди! (*Быстро, но без суеты проходит к кусту, за которым лежит его одеж-*

да. Нагибается и поднимает хороший букет цветов, подходит к АНЕ. Старается не задеть и не забрызгать её платье. Ловко опускается на одно колено. Вручает букет.) Держи, Аня! АНЯ. Ой...

АНДРЕЙ (в той же позе). Я, честно, не помню, как там лучше вручать. Меня папа... (Пауза.) Задёргал с этим этикетом. Держи крепче!

АНЯ. Спасибо.

АНДРЕЙ. Я хотел лично тебе. И память боялся. Поэтому к вам туда не лез...

Говоря это, АНДРЕЙ одним движением встаёт с колена. Потом дожидается, пока АНЯ освободит от букета одну руку. Не приближаясь к девушке вплотную, берет её за руку. Тихо ступая босиком, ведёт АНЮ вперёд, как в полонезе, вдоль пруда к мосту...

АНЯ. Постой... Ты что, вот так пойдёшь? В плавках?

АНДРЕЙ. Зачем? Ты где-нибудь встань... А я пока оденусь. Это быстро.

АНЯ (показывает направо). Тогда я у дворца.

АНДРЕЙ. Жди.

АНЯ уходит. ПРИЛЕГАНОВ провожает её взглядом.

Он явно не прочь по-быстрому исчезнуть, но не успевает. Его замечает АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ (*уже одетый, но, в отличие от АНИ, по-современному, приближается к ПРИЛЕГАНОВУ*). Хелло, дикари!

ПРИЛЕГАНОВ. Хелло, Эндик...

АНДРЕЙ. Ты извини, я... (*Жест в сторону дворца и АНИ.*) Ты как?

ПРИЛЕГАНОВ. Вот, инсулин добыл. Теперь погулял немного.

АНДРЕЙ. Устал?

ПРИЛЕГАНОВ. Устал... Да всё нормально. Не волнуйся.

АНДРЕЙ. Ладно, Бэз. (*Мотнув головой вслед АНЕ.*) Сам понимаешь.

ПРИЛЕГАНОВ. Ну да. Нерейтиновы дам не задерживают.

АНДРЕЙ. Точно. Совсем не по-дворянски, короче, выйдет... (*С самой искренней радостью.*) А хороша, правда?

ПРИЛЕГАНОВ. Я тебя поздравляю. С моей пролетарской прямоотой.

АНДРЕЙ. О... Кстати, дед твой у вас ещё? Привет передай от наших. Просили. Гудбай.

Удаляется в сторону дворца. Возможно, чуть быстрее, чем того требует подразумеваемое чувство постдворянского престижа.

ПРИЛЕГАНОВ на мосту, рядом ходят люди, громко бол-

тают, кое-кто даже поёт. До Прилеганова им нет дела. И до его монологов себе под нос, а уж до внутренних тем более.

ПРИЛЕГАНОВ. Как в каком-то кино. Или вообще в литературе. Ну, или в будущем такое снимут. Или напишут, что за разница? *(Проговаривает, но не смеётся.)* Ха-ха-ха! *(Через паузу.)* Вот с купанием надо кончать. Если сахар упадёт, когда плывёшь, силы уйдут сразу. Тогда вперёд и вниз, на дно. *(Быстро бормочет.)* Инсулина должно хватить на месяц. Значит, живу спокойно. Пока. *(Ощутимо резко подхлёстывает себя. И уж совсем почти себе под нос добавляет.)* Займусь типичными делами абитуриента.

Идёт к рампе.

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРВАЯ

ПРИЛЕГАНОВ *(у рампы).* Тогда я пошёл домой. Вышел за ограду парка. Улица там узка. Но она плавно переходит в очень широкое шоссе. А шоссе ведёт в большой мир. На близкий север. То есть в сторону Петербурга. Так бывает в наших великих пригородах... А знаете... Иногда, в солнечные дни, если я прохожу по этим местам, мне кажется, что люди преодолевают тяжести и легко идут своими дорогами. Светло тогда каждому, и тени отступают. Ну да, это иллюзия.

Но только с ней человеку не так мрачно.

Часть II

Действующие лица:

ВАСИЛИЙ ПРИЛЕГАНОВ, 21 год.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, его дед по отцу. В дальнейшем для краткости – просто ДЕД. Ему за 80. Крепкий старик. Очень моложав, подтянут. Выглядит и держится хорошо. По виду строг, но снисходителен. Легко представить себе, что в прошлом этот человек имел некоторую власть.

МАРИНА ЗЕМЦОВА, теперь по мужу УЦЕПИНА, 21 год.

АЛЕКСЕЙ УЦЕПИН, 23 года.

Действие переносится в Петербург. Большая квартира в приличном доме. На сцене кухня и кусок коридора. Обстановка комфортабельная, но по меркам позднесоветской эпохи. Везде порядок и чистота. На кухне, вблизи газовой плиты и холодильника, – стол, накрытый на двоих к чаепитию. Работает современный (для начала середины 2000-х годов) телевизор. С началом действия по нему идёт музыкальная передача. Звучит Элегия Рахманинова для фортепиано (оп.

1

ДЕД (*сидит за столом, внимательно слушает музыку. Дослушав, выключает телевизор при помощи пульта дистанционного управления*). Василий!

ПРИЛЕГАНОВ (*из коридора*). Сейчас!

2

ПРИЛЕГАНОВ (*входит в кухню, садится за стол*). Всё в порядке, дед!

ДЕД. И я тут послушал...

ПРИЛЕГАНОВ. Рахманинов? (*Вопрос звучит несколько неуверенно.*) Концерт?

ДЕД. В том-то и дело, что передача. По теперешним меркам – просто какая-то церемонная. Даже удивляюсь... С тобой всё хорошо?

ПРИЛЕГАНОВ. Инсулин я сделал. Теперь подожду, пока сахар опустится. Есть стану попозже. Сейчас выпью кофе.

Лучше с цикорием.

ДЕД (*понимающе*). Сахар, значит, высоковат?

ПРИЛЕГАНОВ. Я измерял – он поднялся... Да и день был тяжёлый.

ДЕД. Но ты же справился с делами?

ПРИЛЕГАНОВ. На Васильевском был славном острове. Потом сюда. Здесь, как ты, наверное, убедился, был тур по магазинам.

ДЕД сидя берёт с подставки электрический чайник. Наливает оттуда кипяток в пустую чашку.

Ты что, дед, я сам всё сделаю!

ДЕД. Ты прекрасно знаешь, как я не люблю, когда мне помогают из-за всякой мелочи. (*Очень аккуратно ставит чайник на место. Берёт чайную ложку. Свободной рукой последовательно открывает одну за другой две фарфоровые банки, стоящие на столе. Из одной берёт две ложки кофе. Высыпает их в чашку. Из другой – одну ложку цикория. Сыплет этот продукт туда же. Размешав полученное содержимое, придвигает чашку к внуку.*) Человек должен заботиться сам о себе, пока есть возможность. О людях – то же самое. Я рад, что ты, кажется, вовремя усвоил эту жизненную позицию.

ПРИЛЕГАНОВ. Куда уж мне до бабушки?.. За тобой смотрела, пока не слегла окончательно.

ДЕД. Прибавь, что она мне родила и помогла вырастить хорошего сына. А тебе, слава Богу, нормального отца... И в профессии состоялась. Было с чем уходить из жизни!

ПРИЛЕГАНОВ. Я думал, ты вспомнишь, как у вас чуть не с детства всё сложилось. Или как она ждала тебя с войны всю блокаду. И потом, вплоть до сорок пятого...

ДЕД (*начинает декламацией*). Мы любили в тяжёлые годы, мало знали мы радостных дней... Как, впрочем, и вы теперь... Только не притворяйтесь! По-вашему, если старик старой советской выделки, так и вас раскусить не может?

ПРИЛЕГАНОВ (*подхватывает декламацию*). Наша юность прошла, пронеслась непогодю, как метель над простором полей. Как видишь, у меня неплохая память на твои любимые песни. Только ведь мы тоже кое-чему у вас научились.

ДЕД (*спокойно и размеренно*). Но вы усвоили некий подход не совсем из нашего арсенала. В отличие от нас... Ну, может быть, всего лишь лично от меня, я не спорю... Вы очень давно полюбили защищаться иронией от жизненных кошмаров. Причём это длится уже несколько десятков лет. На моей памяти. А разве это говорит о вашей силе?

ПРИЛЕГАНОВ. А что ты предлагаешь?

ДЕД (*вновь декламирует*). Что прошло, то прошло... И быльём поросло. И опять на душе светло... Когда-то давно эту песню пели и Жан Татлян, и Георг Отс. Вот вы бы осознали столь простой закон. И вспоминали бы, когда поживё-

те, не кошмарные, а светлые минуты. Жизнь может предъявлять любой мрак. Какой сложится. Поддаваться-то ей зачем из-за этого?

ПРИЛЕГАНОВ. Хм... *(Пьёт кофе.)* А куда тебе теперь? С проблесками света? На фоне, который в целом тёмный? *(После паузы, наполненной выжидательным молчанием собеседника.)* Дед... Только в твои же мемуары...

ДЕД *(тихо)*. Так ведь они уже напечатаны. Но я к этому труду вообще отношусь спокойно. Гораздо спокойнее, чем Нерейтиновы к воспоминаниям Алексея Сергеевича.

ПРИЛЕГАНОВ. Дедушка Дмитрий Васильевич!.. А куда нам с тобой от памяти деться, хотел бы я знать?

ДЕД. Тебе тоже есть что вспомнить?

ПРИЛЕГАНОВ. Уже.

ДЕД. Но делиться не хочешь?

ПРИЛЕГАНОВ. А чем? О моих личных неудачах ты и так знаешь... А в науке я пока ничего не сделал. Да ещё в наше научно-нерентабельное время.

ДЕД. Поэтому ты не только мало пьёшь, но и говоришь в целом резковато?

ПРИЛЕГАНОВ. Ты сам понимаешь все мои проблемы... Расскажу девчонке, что у меня диабет с инсулином... А тем более съем что-нибудь у неё на глазах... Или пусть даже подколоюсь в сторонке... Дед, вот те крест, к большим СПИДом и то относятся лучше!

ДЕД. Дур и эгоисток на твой век, к сожалению, хватит...

ПРИЛЕГАНОВ. Ещё бы! Моя последняя, отшивая меня, свою маму подключила... И мама беседовала со мной таким жалостным тоном... Настоящего счастья хотела для дочки... Ну и видал я эту дочку в глянцевом журнале!

ДЕД (*помедлив*). Помнится, свою более раннюю пассию ты послал загорать на какие-то острова.

ПРИЛЕГАНОВ. Сказала бы сразу, что она замужем! Я её вообще мило беседовать со мной не принуждал.

ДЕД (*после паузы*). Насколько я понимаю, ты снова пытаешься отвлечься от этих бед за учёбой...

ПРИЛЕГАНОВ. Не за водкой же!.. Извини, ноги что-то затекли.

(Поднимается, выходит в коридор.)

3

ПЕРВАЯ СЦЕНА-ВОСПОМИНАНИЕ

Раскрытое окно. ПРИЛЕГАНОВ, одетый как для торжества, стоит и дышит свежим воздухом.

За спиной у него – открытая двойная дверь, из-за кото-

рой доносится типичный гул свадьбы.

МАРИНА (*выходит из двери в подвенечном наряде. ПРИЛЕГАНОВУ*). Вася, извини... Всё в порядке?

ПРИЛЕГАНОВ. Да, вот подышать вышел. Ни о чём не беспокойся. Тем более Алёшка до тебя уже побеспокоился. И... Я-то ладно. И даже он. А вот твоё отсутствие бросится в глаза.

МАРИНА. Мало ли зачем я могла выйти... Скажи только...

ПРИЛЕГАНОВ. Если ты о гипогликемии, то, как известно, я поел плотно и у всех на глазах. Я даже просил передать благодарность повару, ты не слышала.

МАРИНА. Ну, Муса Алиевич всегда на высоте мастерства... Я-то... Благодарна тебе...

ПРИЛЕГАНОВ. За тост? (*Шутит не без усилия.*) Так ведь коньяк французский. Под него надо уметь говорить. Желательно красиво. А шампанского мне всё-таки нельзя... И водку я не пью. Да ты иди. Я тоже приду сейчас. И ещё приму фужерчик под светскую беседу. Ты убедилась, я это умею.

МАРИНА. Ты только...

ПРИЛЕГАНОВ. Да не волнуйся. (*Вдруг.*) А вообще, я тебе по-честному желаю счастья. Ты и в этом убедилась...

Прежняя обстановка. ПРИЛЕГАНОВ за кухонным столом.

ДЕД (*подбирая слова с осторожностью*). Прости, пожалуйста, этот речевой трафарет. Только мне думается... Высшее образование даже теперь не потеряло свою роль. Хотя играет её хуже, чем в моё время. Но ведь к ВУЗу тоже надо пройти.

ПРИЛЕГАНОВ. А я читаю и твои мемуары. И Алексея Сергеевича. И ещё кое-что вдобавок. Есть над чем задуматься. Даже кофе по этому поводу допить тянет!

(Берётся за свою чашку.)

ДЕД. Вот то-то... Во времена моего отрочества ребята из дворянских семей кое-где были самыми лучшими работниками. На стройках, даже на заводах... Ты же помнишь, как рассудил Алексей Сергеевич? «Вы считаете мою семью социально чуждой – так я буду справляться лучше вас!» Такой вот кузен Алёша... Нерейтиновы... Их порода... Хоть шпагой когда-то действовали, хоть за станком... Я, наверное, ещё и в них. Хотя отцовская Выборгская сторона сказа-

лась тоже...

ПРИЛЕГАНОВ (*отставив чашку*). Не будь семнадцатого года – прадедушка с прабабушкой, наверное, не пересеклись бы... И значит, нас с тобой, дед, не было бы на свете. Как и папы... Только никто сейчас не любит об этом думать. Имей в виду.

ДЕД. Скажи, сделай милость: ты домой позвонил? Сообщил, что ночуешь здесь?

ПРИЛЕГАНОВ. Ещё днём.

ДЕД. По мобильной связи?

ПРИЛЕГАНОВ. Да.

ДЕД. Положим, кооперативную квартиру вы некогда устроили далековато. Но ведь это уже давно черта Питера. Вдобавок рядом с парками – и дача не нужна. А её всё равно пришлось продавать. Да спасибо, что без нынешних афёр обошлось... Когда я умру, вы и эту квартиру не жалейте, если будет надо. Без денег теперь не выжить. Но ругать нынешнюю эпоху, увы, бессмысленно. Конечно, предпочёл бы я быть моложе. Встречать её оказалось бы легче.

ПРИЛЕГАНОВ. Ты хочешь сказать...

ДЕД. Это так, ворчание на старости лет. В порядке выпуска пара. Не insult же мне перед могилой наживать!

ВТОРАЯ СЦЕНА-ВОСПОМИНАНИЕ

ПРИЛЕГАНОВ у открытого окна в ресторане. Рядом – АЛЕКСЕЙ, облачённый в парадный костюм.

АЛЕКСЕЙ. Дышишь?

ПРИЛЕГАНОВ. Да...

АЛЕКСЕЙ. Не перебирай всё-таки. ПРИЛЕГАНОВ. Я сюда не для этого пришёл.

АЛЕКСЕЙ (*не сразу*). Вообще, ты всё по-хорошему сказал в этом тосте. Как надо.

ПРИЛЕГАНОВ. Тут ничего оригинального. А вы с Мариной оба меня поняли верно. Такая дружба, как у нас, – для меня вообще нечто святое.

Пауза.

АЛЕКСЕЙ (*пытается пошутить*). И правое.

ПРИЛЕГАНОВ. И правое тоже.

Пауза.

АЛЕКСЕЙ. Мы твою позицию не забудем. Спасибо.

ПРИЛЕГАНОВ. Тут не за что. Да и Марину, ты знаешь, я поставил выше себя.

АЛЕКСЕЙ. С ней никак нельзя по-другому. Я это тем более вовремя понял... Кстати, пойдём-ка в зал. А то она забеспокоится о тебе.

ПРИЛЕГАНОВ. Ну, вечно сидеть за столом никто не способен. Ты иди. А я подышу подольше. Там всё-таки немного душновато.

6

Прежняя обстановка. Кухня ДЕДА.

ПРИЛЕГАНОВ (*на том же месте за столом*). Дед... А знаешь... (*Пауза.*) Вот если человек волнуется, потом он всё равно убирается в свой угол. И зализывает внутренние раны. Можно сказать, закон природы. Я это ещё в школе понял.

ДЕД (*не сразу*). Так и я тоже. Ещё мальчишкой. Хотя тогда из всех углов мне трубили, что в советской стране не должно быть углов. Вот лично я их и старался не заводить. По возможности, конечно. Не предать человека, не дать разгу-

латься карьеристу или кляузнику... Я же не отрицаю, что это всегда было очень сложным искусством. Вроде как заплываешь далеко и стараешься рассчитывать силы.

ПРИЛЕГАНОВ (*не сразу*). Нет, ты не думай... Лично я никого не кинул, не сдал. Даже не подставил.

ДЕД. Ох уж этот современный жаргон! И вещи им обозначаются глубоко мерзкие... За что на таком фоне только нас ругают?

ПРИЛЕГАНОВ. Я просто... Чтобы ты обо мне не думал ничего лишнего. Не надо.

ДЕД. Похоже, на душе у тебя... что-то более серьёзное, чем с этими дурами-девицами... Прости... Я прав?

Пауза.

ПРИЛЕГАНОВ. Может, и было. Но я, как всегда, проявил выдержку!

ДЕД. А полностью выговориться сейчас не тянет? (*Пауза.*) Нет, я понимаю: я для тебя – не совсем та кандидатура. Только я на своём веку такие разговоры слышал, что тебе, надеюсь, и не придётся никогда.

Пауза.

ПРИЛЕГАНОВ. Ради Бога, дед... Я об этом почти всегда говорил только сам с собой.

ДЕД. Теперь человек вообще может судить только сам себя. Коллектива-то перед носом нет. *(Пауза.)* Но, может быть, судить и не за что? Тут, мой дорогой, к сожалению, поможет только взгляд со стороны... Конечно, тебе решать. Может быть, я тебе сейчас просто из-за вздора треплю нервы?

Пауза.

ПРИЛЕГАНОВ. А ты уверен, что тебе это слышать надо?

ДЕД. Могу сказать: «Не надо». Уйдёшь из-за этого стола душевно спокойным? *(Пауза.)* Давай я попробую тебе помочь. Твоя мама рассказывала, когда звонила, что ты недавно был на какой-то свадьбе. Дело в этом? *(Пауза.)* Я вижу, в этом.

Пауза.

ПРИЛЕГАНОВ. На свадьбе я был обычным гостем. Нормально был. *(Почти сразу.)* В будущем мне лучше ладить и с ней, и с её мужем. Надо же было доказать, что моя фамилия не Отелло. И не Карандышев. Вот я и постарался.

ДЕД *(не сразу)*. А зачем ладить?

ПРИЛЕГАНОВ. Из близких людей у меня только мама, папа, ты и Нерейтиновы. Плюс... Вот они... Лучше связь не рвать.

ДЕД. Значит, ваш допускаемый мною треугольник рассо-

сался без эксцессов?

Пауза.

ПРИЛЕГАНОВ (*не сразу*). Чем они оба виноваты? Любят друг друга вглубь и искренне... Сошлись уже довольно давно... Ей восемнадцать тогда было. Вместе живут года три. Родные с обеих сторон и то не слишком возражали. Так где тут я?.. А ты знаешь, как этот самый Алёшка меня выручал? Я ему вообще должен ныне, и присно, и во веки веков...

ДЕД. А... Это не он ли когда-то в школе наказал твоего обидчика? Я что-то припоминаю...

ПРИЛЕГАНОВ. Главное, тот урод пробовал вымогать у меня не только деньги. Еду тоже. А о моём диабете знал. В школе как-то обходилось. Но уж на улице... Так вот, Алёшка данного вампира... Даже сломал его... (*Небольшая пауза.*) Я не вникал, но... Тот ко мне больше не лез. А теперь он, кстати, срок отбывает. Наркотики, кажется... А Алёшка, между прочим, ещё и до этого меня спас. Из сильной гипогликемии вылезти помог. Потом довёл до квартиры. И ведь ничего за это не просил и не брал! Мама с папой на него чуть не молились... Так вот, я его теперь серьёзно отблагодарил.

Пауза.

ДЕД. Тем, что отступился?

ПРИЛЕГАНОВ. А что я ещё мог?!

ДЕД (*не сразу*). А скажи... Вот с той, которую ты... Послал в этот... как его... глянецвый журнал? У тебя с ней распалось до или после этой свадьбы?

ПРИЛЕГАНОВ. До.

ДЕД. Зачем же было теперь распиливать себя? И ещё по другому поводу? Мог бы просто поздравить, но сказать, что прийти не сможешь.

ПРИЛЕГАНОВ. Я решил немного сыграть. Ты знаешь, я это могу. Ну, я лицо сохранял... Заявил: «Поздравляю, рад за вас! А меня не позовёте?» Алёшка и ответил: «Приходи». Вот так всё просто... Насторожились, конечно, они оба. А может быть, и не очень. О моей выдержке ведь все знают. (*Говорит, стараясь соблюдать ровный тон.*) Я им, кстати, принёс очень хороший подарок. Альбом со старинными видами наших мест. Вот из этих, последних изданий. Акварели... Фотографии... И сделал дарственную надпись...

(Всё же берет себя в руки.)

ТРЕТЬЯ СЦЕНА-ВОСПОМИНАНИЕ

ПРИЛЕГАНОВ (*стоит у своего места за свадебным столом, в руке полный фужер. Держится корректно. Говорит, как профессиональный оратор, учитывая реакцию слушателей.*) Дорогие новобрачные! Дорогие родные и близкие! Уважаемые гости! Мы все знаем и верим, что свадьба – это путь, дай Бог, к долгой счастливой жизни. Я не сомневаюсь, что у Марины и у Алёши общая дорога и сложилась, и будет именно такой – долгой и счастливой. Но ведь свадьба – это ещё и повод вспомнить прошлое. Иногда недавнее. Что я могу вспомнить? Мы все и росли, и учились рядом. Были и остаёмся честными, надёжными и, поверьте, самыми лучшими друзьями. Тем приятнее мне видеть, что мои друзья нашли счастье в любви и в семейной жизни. Разве это не чудо? Это настоящее чудо! А чудеса обязательно надо ценить, если они всё-таки происходят. Дорогая Марина! Дорогой Алексей! Я рад вашему счастью ничуть не слабее, чем мог бы радоваться своему. Не буду занимать время сверх меры. Пожелаю вам только того, чего вы и сами желаете друг другу.

Пусть сбудутся ваши светлые надежды. Горько!
ВОЗГЛАСЫ ГОСТЕЙ. Горько!

8

Прежняя обстановка. ПРИЛЕГАНОВ с дедом за столом.

ПРИЛЕГАНОВ (*монотонно, чётко и с тихим нажимом*).

На свадьбе соперника напиваются и скандалят только ничтожества. А мы с Алёшей...

Держаться умеем оба... В ночь после свадьбы я, может быть, и грыз одинокую подушку зубами. Но следы моих зубов на ней не сохранились. Не помню, у кого я это вычитал.

ДЕД. Другими словами, ты безоглядно переступил через себя?

ПРИЛЕГАНОВ. А что, жизнь этого потребовать не может? Ты сам в своё время добился своей должности. Тебе нечего объяснять.

ДЕД. Но сделок с собой это от меня не потребовало... Скажем, по крупному счёту. Такое тоже случается. А ты, извини, ничего не достиг. Ну, допустим, сохранил лицо... Как говорят в Одессе, «оно тебе надо»? А что до меня, дорогой мой внук, то я старался никогда не быть абсолютным заложником хода вещей. И людям не советую. Кстати... Мы тут за

разговорами забыли... А ведь тебе нельзя...

(Встаёт. Начинает хлопотать у плиты.)

ПРИЛЕГАНОВ. Вот уж мою диету не сломает никакая любовь!

(Резко берёт со стола пульт дистанционного управления. Включает телевизор.)

ГОЛОС ГЕОРГА ОТСА *(под музыку)*.

Тишина глубокая, меркнут фонари.

О тебе, далёкая, мысли все мои.

Где ты, где ты, где ты,

Друг хороший мой?

Буду до рассвета

Я встречи ждать с тобой.

ПРИЛЕГАНОВ *(врезается в финал куплета, заглушив этот первый)*. И снова старые песни!..

(Выключает телевизор.)

ДЕД *(спокойно)*. Вот когда ты, Вася, немного остынешь, пожалуйста, всё-таки снова включи. Вечер, знаешь ли, спустился. Над тихой Невой. Юность свою мне не забыть. Но

скоро начнутся новости. Впрочем, нужный мне канал я отыщу сам. И обеспечу не очень высокий уровень звука. Не возражаешь?

ПРИЛЕГАНОВ. Нет, конечно.

ИНТЕРМЕДИЯ ВТОРАЯ

Небольшой городок к северо-востоку от Петербурга. Один из жилых кварталов, застроенный в 1960-е годы (или чуть позже) типовыми многоквартирными домами. Только не блочными, а кирпичными. Растительность во дворах густая.

Погожий летний день.

МАРИНА пересекает один из дворов. За ней в некотором отдалении идёт ПРИЛЕГАНОВ. Через плечо у него висит сумка. У Марины – тоже, только дамская и небольшая. Обоим этим героям уже лет по 28. Или чуть побольше.

Войдя во двор, МАРИНА сразу принимает такой вид, будто какой-то прохожий двинулся за ней совершенно случайно. Заходит в один из подъездов. ПРИЛЕГАНОВ – за ней...

Часть III

Действующие лица:

ПРИЛЕГАНОВ

МАРИНА

ЮРА СОКОЛОВ, очень красивый парень 16 лет. Умеренно высок, вполне крепок.

Типовая двухкомнатная квартира на последнем этаже. На сцене – прихожая с дверью на лестницу; далее (против часовой стрелки) – двери в туалет, в ванную и кухня. Ближе к рампе – так называемая «большая» комната. Из неё – проход во вторую.

Обстановка в «большой» комнате приличная, но небогатая и не новая. На диване – прибранная постель. Рядом с ним стоит дорожная сумка на колёсиках. Везде аккуратно разложены женские вещи.

К началу действия на сцене пусто. В прихожей горит верхний свет. Балконная дверь и одна из оконных створок полуоткрыты.

Звук ключа в замке. Дверь на лестницу открывается. Входит МАРИНА с ключами в руке, потом ПРИЛЕГАНОВ. Войдя, он тут же оглядывается и снимает с плеча свою сумку. Ставит её на скамейку под вешалкой. В сумке же МАРИНЫ звонит телефон.

МАРИНА (ПРИЛЕГАНОВУ, тихо и быстро). Заприть дверь, я отвечу. С замками разберёшься?

ПРИЛЕГАНОВ. Сейчас.

(Принимает от МАРИНЫ ключи. Закрыв входную дверь, начинает возиться с замками.)

МАРИНА *(проходит в «большую» комнату, открывает свою сумку, достаёт оттуда телефон, потом бросает её на диван. По телефону.)* Привет, Алёша. Минутку, я тут вошла, открыть балкон надо. *(Идёт к балкону, широко распахивает дверь. Затем и живо – створку окна. Стоит почти у самой рамы.)* Да, так слушаю... *(Через паузу.)* Поняла... И никак? *(Пауза.)* Жалко, мог бы сюда хоть на денёк. Тётя была бы рада. *(Пауза.)* Да всё нормально. С утра проводила тётю в Питер, но к ночи она уже вернётся. А сейчас с Васей

пересеклись. Тут в краеведческом музее устроили научные чтения, это связано с Горичанским. Ну да, с писателем. Ва-ся же его биограф. Так вот, приехал сюда и доклад делал. *(Пауза.)* Вроде всё хорошо. *(Пауза.)* Ладно, передам. *(Пауза.)* Ну, удачи тебе. *(Прекратив разговор, МАРИНА кладёт телефон на журнальный столик. Вернувшись к балкону, задёргивает окно и проём балконной двери тюлевой занавеской. ПРИЛЕГАНОВУ).* Повезло моему любимому мужу! По работе он двигается энергично.

ПРИЛЕГАНОВ *(из прихожей)*. Ну и замок у твоей тётки! Надеюсь, закрылся по-хорошему... Кстати, ты знаешь, что второй замок не работает?

МАРИНА. Да, сегодня с ним что-то не то. Но я с мастером договорилась. Придёт, посмотрит оба. Только это завтра.

2

ПРИЛЕГАНОВ гасит свет в прихожей. Встаёт на пороге комнаты.

МАРИНА *(показывает на глубокое кресло у журнального столика)*. Садись, не разубайся. Да, тебе привет от Алёшки.

ПРИЛЕГАНОВ *(проходит к креслу, садится)*. Спасибо...

Вообще-то, я решил, что вы тут все втроём. Правда, удивился. У вас же и дача, и на курорты ездите.

МАРИНА (*сев на край дивана*). Да просто у Алёшки отпуск не сейчас. Мне-то надо было тёте кое с чем помочь, поэтому я здесь. За Витькой старшее поколение с обеих сторон приглядывает... Так что...

ПРИЛЕГАНОВ. Ну, мне тоже нашлось чем тут заняться... Но согласись, всё равно неудобно. Я с тобой в одной квартире, твой муж не рядом...

МАРИНА. Так он уже сто раз убедился, что от тебя никаких сериалов. Не всё ли тебе равно, где мы сейчас?

ПРИЛЕГАНОВ. Могли бы тогда в кафе посидеть.

МАРИНА. А завтра тёте сообщат, что я была там с неизвестным мужиком! Сейчас туристов хватает, ещё фестиваль этот на площади, и то все друг у друга на виду. Спасибо, что у дома нас, кажется, никто не заметил.

ПРИЛЕГАНОВ. Зачем тогда ты меня вообще пригласила? Абсурд какой-то ведь выходит...

МАРИНА. Где бы ты болтался несколько часов? Вон какое «окно» на транспорте. Что автобусы, что железная дорога... А пьянки уже начинаются. Фестиваль же... Есть, кстати, не хочешь?

ПРИЛЕГАНОВ. После чтений устроили фуршет. Но это скорее формальность. А я плотно завтракал ещё перед отъездом. И в электричке поел дополнительно. Я перед работой всегда так делаю. На случай чего.

МАРИНА. Тогда хоть кофе выпей. Я вчера купила финский. Заварной. Тётя от него фанатеет. А ты и после доклада толком передохнешь.

ПРИЛЕГАНОВ. Ну не обижать же тебя отказом! Тем более выступление идеально прошло.

МАРИНА. Тогда я к кофе угощу тебя пирогом. Тётя вчера целый вечер пекла. Это у неё чуть не мания. Родом из старинной жизни.

ПРИЛЕГАНОВ. Ты о пироге?

МАРИНА. Да.

ПРИЛЕГАНОВ. Ну, если мания, тогда не откажусь. Только, если можно, чтобы пирог был не сладкий. И так боюсь, что сахар вверх полезет. Сама понимаешь, волноваться пришлось. Думал, как пройдёт всё... Да и ездил я сюда без ночлега. Оба раза вставал в пол-шестого.

МАРИНА. Не волнуйся. Пирог я тебе дам с капустой. *(Встаёт.)* И принесу всё сюда, на кухне слишком тесно. Да и тебе, наверное, тут сидеть лучше.

3

МАРИНА на кухне возится с пирогом, подогревает воду в электрическом чайнике, готовит кофе.

ПРИЛЕГАНОВ *(в комнате)*. Стереотипы вечные и разные. Плавно переходящие в абсурд и парадоксы. А моя драма – среди них.

(Откидывается на спинку кресла, опустив руки по его бокам вниз. Прикрывает глаза.)

4

МАРИНА *входит в комнату с полным подносом.*

ПРИЛЕГАНОВ *мгновенно открывает глаза.*

МАРИНА. Я тоже выпью чашечку. Приятного аппетита.

(Ставит поднос на журнальный столик. Садится напротив Прилеганова.)

ПРИЛЕГАНОВ. Да, у меня ведь руки грязные.

МАРИНА. Оботри, сейчас дам. *(Поднимается, достаёт из серванта пачку освежающих салфеток. Вскрывает её, отдаёт ПРИЛЕГАНОВУ.)* Вот, тётя тоже в них влюбилась.

ПРИЛЕГАНОВ. Спасибо. *(Тщательно вытирает салфетками руки, пока МАРИНА усаживается вновь.)* Я действительно как сел, так и не встану... *(Откладывает исполь-*

зованные салфетки и пачку в сторону на столешнице.) А что, по мне это видно?

МАРИНА. Устал, чувствуется.

ПРИЛЕГАНОВ (*глотнув кофе*). Я ещё и прошёлся. У озера, вдоль пляжа. Сосны там, кстати, растут чудесные... И вид на эту старую крепость оттуда неплохой... Ходил, задумался... Да, слушай... Я вот о чём хотел спросить. Автобус на Питер идёт отсюда вроде бы в 18:30? Я не разобрался, а с расписанием на автовокзале какая-то клоунада. Не хуже, чем на железной дороге.

МАРИНА. В шесть тридцать, я знаю. По-другому тут ещё ни разу не бывало.

ПРИЛЕГАНОВ (*снова глотнув кофе*). Тогда я успею. И билет куплю. В крайнем случае на такси разорюсь. Деньги есть. Ты не думай, долго мне здесь оставаться незачем. (*Очень опрятно и тщательно ест пирог.*) А вот это вкусно, спасибо тебе. Жалко, не смогу поблагодарить твою тётю.

МАРИНА (*тоже пьёт кофе*). Она вернётся поздно, я сказала. Ты, кстати, тоже домой доберёшься только ночью. Тебе же через пол-области ехать.

ПРИЛЕГАНОВ. Да мама к этому готова. И в Питере, на автовокзале, я в любом случае возьму такси. А с ночлегом тут мне всё было бы сложнее. И устроителям чтений лишние проблемы.

МАРИНА. Конечно, не моё дело. Но по-моему, вот эту квартиру своего деда ты продал зря. Деньги деньгами, но

ехал бы ты сейчас туда. Короче бы вышло, и отдохнул бы.

5

ПРИЛЕГАНОВ. В том-то и проблема, что деньги. Дед умер, потом отец... В общем, теперь нам с мамой нужно денег побольше и сразу. А покупатель нормальный, не кинул. И выплатил столько, сколько нас устроило. Как только выяснил, что Смольный в двух шагах... Нет, торговался, конечно.

Говоря об этом, ПРИЛЕГАНОВ встаёт.

Чувствуется, что он как-то сразу возбудился.

(Опёршись на спинку кресла.) Много мне, по-твоему, в этом Методическом центре платят? Ещё спасибо, что работа тихая. И в основном на дому. В офисе я ведь бываю регулярно, но не каждый день... Но зарплата всё равно не очень. А преподавать нелегко, в школе меня бы вообще жизнь загнула. Да и платили бы там меньше... Плюс мама всё же не олигарх.

МАРИНА. А почему квартиру деда вы решили не сдавать? Я вот этого не пойму. Тоже ведь источник дохода.

ПРИЛЕГАНОВ. Лучше один раз отвоевать с покупателем, чем всё время воевать с жильцами. Я человек больной,

маме тоже будет трудно. А недвижимость сейчас в некоторой цене, сама знаешь... Пусть не сверх меры. *(Совершает несколько шагов в сторону рампы. Возбуждение у него не проходит. Продолжает всё же более уверенным тоном, чем раньше.)* В общем-то... Науку я могу делать без нищеты на шее. Этот сегодняшний доклад... Слава Богу, две публикации о Горичанском у меня есть. Почти одновременно состоялись. А на основе доклада будет третья. Диссертация формируется. И, возможно, даже будет книга... Со временем. *(Оказывается у самой рампы. Обращается скорее к зрителям.)* Вот тоже судьба... Я имею в виду Горичанского. Он ведь во времена Зоценко чуть не стал литературной звездой такого же масштаба. А потом... Травля, ссылка, лагеря... Штрафной батальон на войне... Пробовал вернуться в литературу – снова посадили. В середине пятидесятых реабилитировали, печататься начал, даже слава его возродилась. Так умер! А потом прошло время... Я в одну из трудных минут открыл для себя его книги. И вычитал там, что среди разброда, глупости и нищеты всё равно можно быть умным. И вести себя красиво. А слова, которыми всё это было передано на бумаге, ложились мне на душу тихо. Мягко. Ненавязчиво. С грустью. Но и повеселиться можно было. И за этим стоит своя тайна.

Пауза.

МАРИНА. А вот фильм по нему сейчас сняли. Как тебе?

ПРИЛЕГАНОВ. Там хорошо всё, что сценарист и режиссёр оставили от Горичанского. (*Прохаживаясь по сцене.*) Вообще, те времена сейчас уже скверно понимают. Тогда ведь вокруг рушилось всё, что разрушали. И под развалинами гибли люди. Но жить-то старались, несмотря ни на что. Знаешь, как дед вбивал это мне в голову?

Усаживается на кресло. Видимо, для прогулок эта комната тесновата.

МАРИНА. Так ведь я понимаю.

6

МОНОЛОГ

ПРИЛЕГАНОВ (*говорит сидя*). Вообще-то, в чём прикол... Смотри. (*В его речи вполне закрепляется какая-то одержимость.*) Мой кровный родственник Андрюша Неретинов – парень здоровый. И всё у него складывается хорошо. Я же инвалид. Но у меня всё должно быть ещё лучше.

Всем своим видом, всей своей жизнью я доказываю, что это возможно. Ты скажешь просто: по-твоему, я иногда издеваюсь над собой. Но ведь осилить кое-что я тоже могу. Значит, моё место в упряжке. *(Торжественно, но не без яда.)* Нервничаю, но чужие тексты редактирую. Изнываю, но свои создаю. Езжу через пол-области по два дня кряду, но доклады делаю. Причём под комплименты. Но устаю... Мозг молотит... *(Обрывисто.)* Мозг... молотит... Молотит... Устал... Ну его всё... Устал...

*Лицо ПРИЛЕГАНОВА вдруг как-то застывает.
И взгляд останавливается.*

7

МАРИНА. Слушай, у тебя не приступ твой? Что-то лицо побелело... *(Поднимается и обшаривает взглядом стол. Далее командует.)* Ешь пирог, быстро! *(Обходит стол. Берёт кусок пирога с блюда. Нагибается надПРИЛЕГАНОВЫМ.)* Быстро! *(Чуть не запикивает ему пирог в рот. Рефлексивно ПРИЛЕГАНОВ двигает челюстями. Но себя он контролирует еле-еле, глотает с трудом.)* Запей!

МАРИНА берет чашку с кофе, её краем как-то раздвигает.

гает ПРИЛЕГАНОВУ челюсти. Стараясь не облить сотрапезника, тихо вливает кофе ему в рот.

ПРИЛЕГАНОВ (как сквозь подушку). Сладкого...

МАРИНА. Это на кухне. Сейчас принесу. Тебе сладкий чай, так? Ладно. Ты... Сейчас!

8

НЕМАЯ КАРТИНА

ПРИЛЕГАНОВ остаётся в прострации. МАРИНА быстро идёт на кухню. Там она, оцупав и взвесив в руке электрический чайник (есть ли ещё вода?), включает его. Но до полного кипения не подогревает. Берёт громадную кружку, кладёт туда сахарный песок из сахарницы, а из маленького фарфорового чайника наливает заварку. Потом туда же – кипяток. Всё это МАРИНА тщательно размешивает. Подумав, достает из холодильника плитку шоколада. Сдирает с неё обёртку.

С шоколадом в левой руке и с кружкой в правой возвращается в комнату. Плитку аккуратно опускает на столик, на

блюдо рядом с чашкой ПРИЛЕГАНОВА.

9

МАРИНА (склонившись над ПРИЛЕГАНОВЫМ, тычет ему кружкой в зубы). Пей быстро, слышишь?!

ПРИЛЕГАНОВ судорожно глотает чай.

МАРИНА. Пей! (Не отстаёт, пока кружка не пустеет. Тогда кружку она ставит на стол. Берёт и разламывает шоколадную плитку. Сует кусок ПРИЛЕГАНОВУ в рот.) Возьми! Соси... Соси. Как валидол...

ПРИЛЕГАНОВ подчиняется, но автоматически. Потом, видимо, сознание начинает возвращаться, взгляд делается несколько более осмысленным.

10

Дверь на лестницу открывается. ЮРА СОКОЛОВ захо-

дит в прихожую. Не зажигая свет, осторожно делает по ней несколько шагов. Ступает тихо.

МАРИНА (в комнате, ПРИЛЕГАНОВУ). Ну как? ЮРА. Марина, а у вас дверь не заперта.

МАРИНА. А-а... Что?! Ты...

ЮРА. Дверь, говорю... (Появляется на входе в комнату.) А чего тут?

Красота ЮРЫ производит эффект.

ПРИЛЕГАНОВ (сквозь шоколад во рту). Я потею...

МАРИНА (мгновенно собравшись. Негромко.) Юрка, давай помогай! У человека приступ. Диабет у него, ясно?!

ЮРА (быстрореагирует). Как ему помочь?

МАРИНА. погоди... (Оглядывается. Смотрит на полотенце, свисающее со спинки дивана. Проходит. Хватает его.) Лови! (Бросает полотенце ЮРЕ. Тот подхватывает быстро и ловко. С полотенцем в цепкой руке подходит к ПРИЛЕГАНОВУ.) Обтирай ему лицо насухо. Я на кухню, там быстро кое-что возьму. Работай, и без нервов. Понял?!

ЮРА. Да.

Судя по поведению ЮРЫ, он если не умеет, то учится нормально держать себя при любых обстоятельствах. Осторожно принимается обтирать ПРИЛЕГАНОВУ лицо и голову. МАРИНА в это время проходит в прихожую. Зажигает там свет. Тщательно, не без усилий, но так же быстро запирает дверь, предварительно выглянув на лестницу.

ПРИЛЕГАНОВ (ЮРЕ. Говорит членораздельно, но всё ещё сквозь протрацию и шоколад во рту.) Смелее, если взялся. Постой... (С трудом, но делает усилие. Держась за поручни кресла, чуть-чуть наклоняется вперёд.) Рубашка у меня мокрая?

ЮРА (ощупав рубашку). Слегка.

МАРИНА входит на кухню.

ПРИЛЕГАНОВ (ЮРЕ. Всё ещё сквозь протрацию). Подними и вытирай... Спину... И спереди... Ой...

ЮРА аккуратно выполняет всё, что сказано.

Поворачивается, оказавшись прямо перед ПРИЛЕГАНОВОМ.

ВЫМ. Тот, как будто ничего не видя, упирается взглядом в его тонкое загорелое лицо.

МАРИНА на кухне снова наливает воду в электрический чайник. Готовит сладкий чай уже в другой кружке.

ЮРА (в комнате, ПРИЛЕГАНОВУ). Вам ничего?

ПРИЛЕГАНОВ (не сразу). Нормально.

ЮРА. Вроде насухо всё. Погодите, я вам рубашку расправлю. (Расправив.) Вы, может, на диван?

ПРИЛЕГАНОВ. Нет... Тут...

ЮРА. Тогда откиньтесь тихо.

ПРИЛЕГАНОВ подчиняется. МАРИНА на кухне наливает кипяток в кружку. Добавляет туда же немного холодной воды из старомодного графина.

С кружкой в руке входит в комнату.

МАРИНА (ПРИЛЕГАНОВУ). Это чай с сахаром. Греть пришлось. Но он не горячий. Держать получится? (ПРИЛЕГАНОВ вытягивает руку. Но всё ещё неуверенно.) Ладно... Юра, за ручку вот поддержи...

ЮРА осторожно принимает кружку. Держа за ручку, подносит её ко рту ПРИЛЕГАНОВА. Тот медленно пьёт. Затем, по-прежнему сидя, подаётся вперёд. Взгляд его окончательно становится осмыслен-

ПРИЛЕГАНОВ (*МАРИНЕ и ЮРЕ, стараясь говорить чётко*). Больше ничего не надо. Я здесь посижу.

Подремлю сидя. Пусть сахар всосётся. Минут десять... Всё будет в порядке. Извините.

Откидывается на спинку кресла. Опускает руки вниз. Закрывает глаза.

МАРИНА (*ЮРЕ*). Так, давай отойдём. Только тихо.

12

МАРИНА выходит в прихожую. ЮРА вслед за ней.

ЮРА. Короче, я...

МАРИНА. Во-первых, говори тихо. Во-вторых, прежде всего – замок. Что с ним случилось?

ЮРА. Да он не сработал, по-моему. А я иду и вижу: дверь не заперта. Я и зашел посмотреть. Вдруг чего...

МАРИНА. Любознательность тебя погубит. Теперь слушай. Это друг Алексея Викторовича. Там, где мы живём. Мы и в школе, и во дворе, ещё с тех пор дружим. А он приехал

сюда по делам, сейчас домой возвращался. Но думал увидеться с Алексеем Викторовичем. Решил, что мы здесь всей семьёй. В общем, толком до него не всё дошло. Типа нехватки информации. Пришёл сюда, разобрался, хотел по-быстрому уезжать. Только кофе на дорогу выпил. И вот такое случилось. А в Питере он должен быть до ночи.

ЮРА. Понятно. А от меня чего?

МАРИНА. Как сейчас с транспортом, не знаешь? Железная дорога не в счёт...

ЮРА. По автобусам, по-моему, гарантия. Вот такси – сами понимаете... А он сможет?

МАРИНА. Да. Он с этим справляется. Правда, иногда сложнее бывает. Но мы оказались рядом. И помогли человеку. Так надо делать, согласен?

ЮРА. Ясно, короче...

МАРИНА (*уверенно ведёт партию*). Вот, помогаем дальше. Сейчас время есть. Пойдёшь на автовокзал и купишь ему билет. 18:30 до Питера. Но чтоб не позже, слышишь? Денег у тебя хватит? Потом возьму. Ты меня знаешь.

ЮРА. Наверное...

МАРИНА. Ладно, не геройствуй со своими. Сейчас я тебе дам.

НЕМАЯ КАРТИНА

МАРИНА тихо входит в комнату. Стараясь не беспокоить задремавшего ПРИЛЕГАНОВА, проходит к дивану. Достает из своей сумки кошелёк. Пересчитывает в нём купюры, не вынимая их. Просто шарит пальцами внутри кошелька и смотрит... Потом с явным сожалением на лице вытаскивает одну. Задвигает кошелёк в сумку. Ещё раз глянув на ПРИЛЕГАНОВА, возвращается в прихожую.

ЮРА и МАРИНА в прихожей.

МАРИНА (даёт ЮРЕ купюру). Вот. Вся сдача – твоя.

Пауза.

ЮРА. Вся?

МАРИНА. За билет тебе – комиссия. Плюс плата, чтобы ты его довёл до автобуса. И за то, что мне сейчас помогал. Считай, что работу от меня получил. Отсюда оплата. Ясно?

ЮРА. Ясно. Только...

МАРИНА. Всё! Решили!

ЮРА. Там, на автовокзале, на кассе сегодня тётя Женя. От неё возможны вопросы. Зачем билет, откуда сумма такая?

МАРИНА. Так... (*Задумывается.*) Тебя мужик незнакомый срочно попросил купить и ждёт недалеко. Сам он... Напились, пожалуй. Поэтому сидит неподалёку и ждёт. Дашь ему билет, получишь остаток. Версия проходит?

Небольшая пауза.

ЮРА. С учётом тёти Жени – да. Тем более мне верить можно. Все же знают... А пьяных уже много. И с такси проблемы. Хоть наркоту тормозят...

МАРИНА. И сразу сюда с билетом. Без задержек. Даже если тебя папа с мамой по дороге остановят! Жду на нервах, учти! И чтоб не вздумал кому-нибудь рассказать!

ЮРА. Я больной, по-вашему?

МАРИНА. Ты выручаешь больного. В этом всё дело. А не выйдет с автобусом – всё же лови такси. Скажи, что человеку надо в Питер, обещаю, сколько запросят. Деньги у него есть. Только не гони машину сюда, пусть встанет... Ну хоть на пе-

рекрёстке. Тогда купюру потом тихо разменяй в кафе, скажи, что я тебя просила, а сама не могу. Мне с размена верни... Ну, пусть мне будет сорок процентов. Вопросы есть?

ЮРА (*не сразу*). Нет.

МАРИНА. Ну и не зависай. Только купюру сейчас спрячь, не свети.

ЮРА. Я не debil. Марина, да вы не волнуйтесь.

Прячет ассигнацию в карман джинсов. МАРИНА отпирает дверь и выпускает ЮРУ на лестницу.

(*Вслед ЮРЕ.*) Удачи, честный противник кидалова!

Запирает дверь, потом возвращается в комнату.

15

МАРИНА и ПРИЛЕГАНОВ в комнате.

ПРИЛЕГАНОВ (*с кресла*). Я всё слышал и понял.

МАРИНА. Отошёл уже?

ПРИЛЕГАНОВ. Приведу себя в порядок. Тогда всё обсудим.

МАРИНА стоя внимательно следит, как он поднимается с кресла. *ПРИЛЕГАНОВ* осторожно выходит из комнаты, зажигает свет в туалете, заходит туда. Пока он там, *МАРИНА* собирает со стола салфетки и кладёт их на поднос. На него же ставит грязную посуду. Несёт всё это на кухню.

Ещё через некоторое время в туалете шумит спускаемая вода. Потом *ПРИЛЕГАНОВ* проходит в ванную. *МАРИНА* на кухне ставит поднос с посудой в раковину. Берёт оттуда салфетки и выбрасывает их в мусорное ведро. Посуду в раковине заливает водой из крана, затем возвращается в комнату. Протерев полотенцем опустевшую столешницу, садится на один из стульев.

16

ПРИЛЕГАНОВ выходит из ванной. Вид у него совершенно приличный. Несмотря на случившееся, он как-то сумел себя подтянуть.

ПРИЛЕГАНОВ (снова в комнате). Вода холодная, но это даже лучше. Я сюда же сяду?

МАРИНА. Конечно.

ПРИЛЕГАНОВ (снова в кресле). Теперь, значит, ждать... Он не обманет?

МАРИНА. Ему даже ребёнка можно оставить. Не то что деньги...

ПРИЛЕГАНОВ. Нереальный какой-то продукт. Но касирше всё-таки будет честно врать. Чем и докажет своё правдоподобие.

МАРИНА. Да эта тётя Женя... Самая крутая сплетница во всём доме. А то и в пределах квартала. Но ведь процессом сплетен можно управлять. А на кону моя репутация. Да и тебе пришлось бы кисло. Пусть не по-крупному.

ПРИЛЕГАНОВ. Ну, положим, рискнуть добрым именем ты не побоялась. Когда звала меня сюда... А этот парень, он вообще кто?

МАРИНА. Соседский. Соколов Юрка. Квартира здесь, через площадку. С семьёй контакты у тёти. Ну и у меня добрые отношения.

ПРИЛЕГАНОВ. Повезло, значит. Болтать точно не будет?

МАРИНА. Так он правильный. Ты же понял... Ну сам подумай. Другой бы на его месте всё тихо сфоткал. И выложил бы... Ясно куда. Или меня бы шантажировать решил.

ПРИЛЕГАНОВ. Чтобы ты его в асфальт закатала? Я ведь тебя знаю... Да и попробовал бы он деньги тебе не вернуть, например...

МАРИНА. Этим и горжусь. С другой стороны, честность надо финансировать вдвойне. Я поэтому и оставляю ему всю сдачу.

Пауза.

ПРИЛЕГАНОВ. Ладно, по-моему, он действительно надёжный. Вон как чётко со мной справился!.. А скажи... Он не вообразит, что у нас что-то намечалось? Сама понимаешь, о чём я...

МАРИНА. Постель на диване раскрыта? Мы голые? Может, ещё на столе бутылка?

Пауза.

ПРИЛЕГАНОВ. А как по-твоему? Ты ему нравишься? Нет, понимаешь, он что-то подчиняется тебе слишком охотно.

МАРИНА. Да он уже подругой давно обзавёлся. Одноклассница. Причём... Видел, какой Аполлон вырос?

ПРИЛЕГАНОВ. Да уж... Одно лицо – хоть в Древнюю Элладу!

МАРИНА. Вот... А выбрал парень не самую красивую. Правда, у девчонки мозги на месте, фигура отличная и родители при деньгах.

ПРИЛЕГАНОВ. Воображаю, кто и как смотрит на ситуацию.

МАРИНА. Ага... Озвучил бы это кто-нибудь перед Юркой!.. Некоторые вот пробовали.

ПРИЛЕГАНОВ. Он что же, в классе лидер?

МАРИНА. Тут не только «физика». Он и мозгами взять проблему способен. Ну, и характер твёрдый... Да ты понял... Алёшке, кстати, он тоже нравится.

ПРИЛЕГАНОВ. А ты мне всё это рассказала... Чтобы я на него положился?

МАРИНА. Ты же осторожен.

ПРИЛЕГАНОВ. Ой, как ни бди, всё равно меня матушка-физиология обыграет. Но жить-то надо. Вот я с ней и соревнуюсь. Сегодня счёт в её пользу. *(Пауза.)* А знаешь, у Юрки этого, наверное, с красотой проблемы не хуже, чем у кого-то с горбом. Или с ампутированной ногой. Или как у меня с диабетом. Такой куда ни придёт, все девчонки на него облизываются. А парни звереют. И вообще... Мало ли кто глаз может положить? Как тут с людьми нормально общаться? Поневоле выберешь... Не самую красивую. Конечно, на своём фоне. А та уцепится. Как за небывалое счастье в своей жизни... Ладно, меня в сторону ведёт. Или уж мозг так раскочегаривается... Как рассчитаемся за билет? Точнее, сразу? Или потом?

МАРИНА. Так... Мой номер у тебя есть? Вот стоимость билета на него и перечислишь. Когда сможешь, только не очень затягивай. Просто скоро мне вносить плату. В общем, чтобы я время не тратила. Больше ничего.

ПРИЛЕГАНОВ. Точно?

МАРИНА. Расчёты с Юркой не учитывай.

ПРИЛЕГАНОВ. Скостила, значит, мне по дружбе?

МАРИНА. Какая неуместная ирония!

ПРИЛЕГАНОВ. Тогда давай совсем серьёзно. (*Вдруг поднимается и стоит, опершись на спинку кресла.*) Ты на меня не в претензии?

МАРИНА (*не сразу*). За что?!

ПРИЛЕГАНОВ. Ну, во-первых, я сам к себе мог бы отнестись повнимательнее. Во-вторых, если бы я решительно распрощался с тобой и полез... Ну, хотя бы ловить такси... Ты бы тогда под меня не подставилась.

МАРИНА. Мы, по-моему, друг к другу относимся нормально. Ты моему личному счастью не мешаешь. А я тебе всегда помочь готова.

Пауза.

ПРИЛЕГАНОВ. А ты не думаешь, что нам вообще лучше не сталкиваться? А то что-то... Парадоксов бытия многовато.

МАРИНА (*встав*). На мою и Алёшкину поддержку ты всегда можешь рассчитывать. Точка.

Пауза.

ПРИЛЕГАНОВ. Спасибо...

МАРИНА. Давай сядем. Что-то мы оба вскочили. А тебе силы беречь надо.

*ПРИЛЕГАНОВ садится, а МАРИНА не успевает.
Раздаётся звонок в дверь.*

МАРИНА. Быстро управился, если это Юрка. (Идёт в прихожую.) Учти, я тебе о нём ничего не рассказывала. Если я махну рукой, зайди в ту комнату. Мало ли, вдруг кто-нибудь ещё. Тогда я быстро выпровожу. А если тётя вернулась пораньше, представлю тебя. Она о тебе знает.

17

Марина в прихожей зажигает свет и смотрит в дверной глазок.

МАРИНА. Юрка?!

Отпирает дверь.

18

ЮРА (*входит и рапортует*). Я сделал. Автобус! Там на кассе тётя Женя подсменилась, а сменщице всё пофигу. Она вообще из посёлка. С билетами, конечно, бизнес делают. Но кресло точно будет.

МАРИНА. Тише! И дверь прикрой! Точно проблем не было?

ЮРА (*исполнив её требование*). Я всё сделал как надо. На автобус сейчас спокойно попадаем. В подъезде – никого.

МАРИНА. Билет?

ЮРА. Вот он. (*Достаёт из кармана и показывает.*)

МАРИНА (*забрав и просмотрев билет*). Сейчас отдадим. И проводишь. Только отзвонись, когда он сядет.

ЮРА. Со сдачи вам...

МАРИНА. Ты уже слышал. Всё твоё.

ЮРА. Извините.

19

ПРИЛЕГАНОВ (*выйдя в прихожую*). Ну, значит, пора. (*Берёт билет у МАРИНЫ, взглянув на него, кладёт в свой карман. Надевает свою сумку через плечо.*) Мои извинения тоже. Спасибо за помощь. Алексею привет.

МАРИНА. Передам. Хорошей дороги. Потом созвонимся.

ЮРА и ПРИЛЕГАНОВ выходят на лестницу. МАРИНА запирает за ними дверь. Явно испытывает облегчение. Идёт на кухню мыть посуду.

20

Декорация второй интермедии. Только в глубине сцены просматривается здание автовокзала. ПРИЛЕГАНОВ и ЮРА идут, приближаясь к ней. Звучит и по мере действия иногда усиливается тяжёлый рок.

ЮРА. С вами... точно всё в порядке? ПРИЛЕГАНОВ. Да. Кстати, я благодарен тебе. ЮРА. А то на автобус народ быстро набежит. А нам ещё дойти... А вам бы резко сесть поудобнее.

ПРИЛЕГАНОВ. Так вот и мы идём быстро. А вообще, не волнуйся. Со мной именно такое бывает редко. Просто сегодня всё сложилось... Но теперь нормально. Имей в виду, что тут у меня были очень тяжёлые дела. Вот организм и среагировал. Ну, прости за проблемы.

Пауза.

ЮРА. А вы... По фестивалю?

ПРИЛЕГАНОВ. Нет.

ЮРА. Тогда... В музее эта... конференция?

ПРИЛЕГАНОВ. Откуда ты знаешь?

ЮРА. Да у музея же афиша висит. А я убедился, что вы по делу. На туриста не похожи. И для фестиваля типа не гость.

ПРИЛЕГАНОВ. Ну правильно, я на конференции доклад делал.

ЮРА. Понимаю... А я Горичанского читал. Много. У нас в школе его, вообще, серьёзно знают. Хорошо так писал... И кино по нему сняли правильное, я считаю.

ПРИЛЕГАНОВ. Насчёт этого фильма мы, может быть, и не совсем сойдёмся во взглядах. Но приятно, что ты читаешь настоящую литературу. Слава Богу, наберётся нормальных представлений о жизни.

Пауза.

ЮРА. А скажите... Я вас на пляже видеть не мог?

ПРИЛЕГАНОВ. Мог. Я там немного прогулялся.

ЮРА. А я в озере плавал долго. С друзьями. Потом вернулся. Выхожу из воды, а тут вы с сумкой. Думаю: почему человек не купается? Потом решил: может, идёте куда по делу...

ПРИЛЕГАНОВ. Дело-то у меня... Я о нём продолжал думать после заседания. Ни на кого не смотрел. Может быть,

поэтому я тебя не заметил. Или не выделил. Ну, бывает...

ЮРА. Ну да.

Кажется, собеседники не знают, как дальше продолжать разговор. Да и какой смысл разговаривать, если коробка автовокзала приближается к ним с каждым шагом?

ЮРА (*показывает*). Автобус там будет, вот видите? Должны скоро подать. Людей сейчас ещё немного, войдёте легко.

ПРИЛЕГАНОВ. Спасибо. Я понял. (*Пауза.*) Давай всё же познакомимся под конец. Тебя, я знаю, зовут Юра?

ЮРА. Да.

ПРИЛЕГАНОВ. А меня – Василий Сергеевич. Спасибо за всё, и успехов тебе.

Музыка смолкает.

Эпилог

Знаешь ли, что? Быть может,
это надежда...

*Аполлон Григорьев
"Человек будущего"*

ПРИЛЕГАНОВ и МАРИНА беседуют по мобильным телефонам.

ПРИЛЕГАНОВ (*у рамп*). Марина? Прости, если помешал.

МАРИНА (*из глубины сцены*). Здравствуй, Вася.

ПРИЛЕГАНОВ. Ты извини, просто долг мой тебе за билет... Вышло так, что я смог деньги положить только вчера вечером. Легло всё нормально?

МАРИНА. Да. Ты тоже извини, у меня сейчас сборы. Алёшка за мной всё-таки сегодня с утра вырвался. Получилось. Сейчас они с тётей чай пьют на кухне, потом мы в машину.

ПРИЛЕГАНОВ. Привет ему передай. Кстати, Юра этот хороший парень. Я тогда ведь почувствовал.

МАРИНА. Он человек. И мужик будет нормальный. Вообще, таких много... Ладно, я не должна отвлекаться. Ты маме своей передай привет.

ПРИЛЕГАНОВ. Конечно. Ладно, я сейчас тоже за работу. То есть – в экологическую нишу.

МАРИНА. Ну, счастливо.

ПРИЛЕГАНОВ. И тебе.

МОНОЛОГ У РАМПЫ

ПРИЛЕГАНОВ (*стоит в тёплой куртке, накинутой на плечи*). А когда наступает золотая осень... Я люблю стоять на балконе и просто смотреть. Дали и просторы мне видны сверху... Их не смогли заслонить никакие постройки.

Небо сейчас... Оно серое. Но так даже лучше. Не лететь же вверх к слепящему солнцу, чтобы только обжечься. И не достичь при этом ничего.

Здесь, в своей тишине, я сегодня пишу. О чужой и глубоко трагической судьбе. О ней надо рассказать так, чтобы кто-то по-хорошему читал. Для этого мне потребен умелый полёт. А значит, рассчитанный... Слава Богу, болезнь меня сейчас давит не слишком. Ведь не нужна она мне никак.

Я вот что из чужих мыслей для себя подтвердил... Пусть в этом мире всё пройдёт. Что захочет остаться всерьёз, то и постарается остаться. Своими силами, но и при помощи других...

От тяжёлой судьбы не уйдёшь. Только бороться с ней всё

равно надо.

Часто победе не может помешать даже болезнь.

КОНЕЦ

08.2015 – 01.2020. 02–19.03.2021.

Судьбы в режиме танго
Драматическая хроника
для театра и кино
Четыре действия. 17 сцен

Действующие лица:

АЛЁША (АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ) ИСКЕРОВ. Советский старшеклассник. Окончил школу в 1941 году. Позднее – доктор исторических наук, профессор одного из ленинградских ВУЗов.

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА ВЕРХОВЦЕВА – советская кинозвезда. Прославилась во второй половине 1930-х годов.

СОТРУДНИКИ НКВД. В тексте обозначаются как НАРУЖНИКИ.

ЛАВРЕНТИЙ ПАВЛОВИЧ БЕРИЯ – 40 лет.

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА РАКИТИНА, по мужу – СУРОВЦЕВА. Учительница на пенсии. Одноклассница, подруга, но не девушка и не женщина ИСКЕРОВА.

АНЯ – её внучка, студентка. В 1990 году ей неполных 20 лет.

ЛЮБА (ЛЮБОВЬ ЯКОВЛЕВНА) МАРГУЛИС, впоследствии по мужу – АНТОНОВА.

НЕБОЛЬШАЯ ТОЛПА у газетного стенда летом 1940 года. Из неё выделяются:

1) ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА.

2) ЖЕНЩИНА ПОМОЛОЖЕ.

3) НЕМОЛОДОЙ МУЖЧИНА интеллигентного или даже артистического вида.

4) МУЖЧИНА лет 35, видом попроще.

5) ОБСТОЯТЕЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ средних лет.

МОЛОДЁЖЬ НА ВЕЧЕРИНКЕ – ранней весной 1941 года

КОСТЯ (КОНСТАНТИН СТЕПАНОВИЧ) АНТОНОВ.

ВИКТОР МАКСИМОВИЧ РЫСНЁВ – инженер, муж старшей сестры ИСКЕРОВА. В 1941 году ему 30 лет.

ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА ЛИТЕЕВА, вдова. В 1946 году ей 29 лет. Соседка, потом жена ИСКЕРОВА.

ДИМКА, её сын от первого брака, 8 лет.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ПОДРОСТКИ 1990 года:

ДЕВУШКА, 16 лет

МАЛЬЧИК, 14 лет.

Действие происходит в 1939–1941, в 1946 и параллельно в 1990 годах.

ПО ПОВОДУ МУЗЫКАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ. Мелодии, указанные в тексте, должны воссоздавать атмосферу эпохи, прямо или косвенно оттенять чувства и взаимоотно-

шения персонажей. При постановках просят не заменять ни одну из мелодий, а также избегать «современных» обработок. Как сказал бы Гоголь: «От несоблюдения сих замечаний может исчезнуть весь эффект».

Действие первое

Самый конец августа 1939 года.

Сцена 1

Коммунальная квартира в одном из старых московских домов. Она расположена высоко и почти пуста. Люди обнаруживаются лишь в обширной комнате, которую занимает ВЕРХОВЦЕВА. И то не сразу.

Именно эта комната представлена на сцене. Она обставлена приличной мебелью в стиле модерн. Есть и большой книжный шкаф. Напольная ваза с огромным букетом свежих цветов. Половина комнаты отгорожена ширмой. Везде порядок, если не считать обеденного стола с использованной посудой. Видно, что завтракали два человека. Потом

закончили и отошли. Почти середина дня, но окна в комнате зашторены плотно и наглухо. Трудно судить, как туда поступает воздух с улицы.

Звучит увертюра И. О. Дунаевского к фильму «Дети капитана Гранта». Только когда она стихает, за ширмой слышатся голоса.

ГОЛОС АЛЁШИ. Надя...

ГОЛОС ВЕРХОВЦЕВОЙ. Ты... Отдохнул? Хорошо всё?

ГОЛОС АЛЁШИ. Да... Конечно!

ГОЛОС ВЕРХОВЦЕВОЙ (*пресекает*). Теперь одевайся.

Тихо, но быстро. Не дай Бог...

ГОЛОС АЛЁШИ (*не сразу*). А повезло... Все твои соседи на дачах.

Пауза. Скрип кровати и шаги босиком за ширмой.

ГОЛОС ВЕРХОВЦЕВОЙ (*тихо, с нарастающим раздражением*). Ну куда ты, друг дорогой? Я ведь сказала: сперва из кувшина обмойся. С мылом... Потом бельё надевай. И трусы, и носки, и майку, то есть футболку. Не забудь штаны, обувь свою, куртку и, между прочим, кепку.

ГОЛОС АЛЁШИ (*сквозь плеск воды*). Нет, а что ты беспокоишься? Кто может знать, что ты здесь?

ГОЛОС ВЕРХОВЦЕВОЙ. В квартиру кто угодно может

позвонить в любую минуту. Или войти тихо. От управдома до воров.

ГОЛОС АЛЁШИ. Да откуда им знать, у себя ты или нет?

ГОЛОС ВЕРХОВЦЕВОЙ. А ты где?

ГОЛОС АЛЁШИ. Да не волнуйся, в самом деле! Сюда я подошёл аккуратно, зуб даю! Ну, пусть с букетом. Так он... Может быть, от коллектива? Букеты тебе даже с лестницы еле убирают!

ГОЛОС ВЕРХОВЦЕВОЙ. Ладно... Сейчас выйди, обуйся и посиди. Я тоже приведу себя в порядок, скрою мою прекрасную наготу, кровать заправлю и выйду.

АЛЁША (*выходя из-за ширмы*). Ясно. (*Делает то, о чём просила ВЕРХОВЦЕВА.*) Да... Шторы открыть?

ГОЛОС ВЕРХОВЦЕВОЙ (*сквозь плеск воды*). На левом окне можно. И форточку там же открой пошире.

АЛЁША встает с кресла, вновь делает всё, как сказано, и садится. Теперь его можно полностью рассмотреть. Он выше среднего роста, широкоплечий, очень сильный и ловкий. Лицо красивое, из тех, что называли породистыми.

Легко представить это лицо на русских портретах XVIII – первой половины XIX века. Взгляд умный, серьёзный. При крайне тяжёлом разговоре АЛЁША проявляет жёсткую и надменную вежливость.

Одеждой он не отличается от своих тогдашних ровесников из семей со скромным достатком.

Франтовства явно избегает.

Через открытую форточку доносится шум улицы.

ГОЛОС ВЕРХОВЦЕВОЙ (*пения через мелкие паузы*). Пока кудри... ПЛАНОМЕРНО вьются, будем девушек любить. Пока денежки ведутся, будем весело мы жить.

АЛЁША (*с кресла*). Я же не кудрявый. И ни на одну девушку я на дачах ни разу не посмотрел. Не вру! Купался, на реке только что не ночевал... С парашютом много прыгал, там вышка есть. А девчонки мимо! Только ты! И никакая другая!

ГОЛОС ВЕРХОВЦЕВОЙ. А почему ты вообще один туда попал? Я не поняла...

АЛЁША. Так я же говорил... Зять на Чёрное море сестру смог забрать – вдвоём и поехали. А меня – сюда, в Подмосковье. К его друзьям. Я не возражал.

ГОЛОС ВЕРХОВЦЕВОЙ. Когда у молодой пары брату и шурина шестнадцать лет, от него поневоле захочешь... Уединиться. Хоть ненадолго.

АЛЁША. Да мне-то что? Я жил славно. На Новодевичье ездил. К отцу с мамой... Хорошо, что могилы у них рядом... Иных-то родственников в Москве у меня уж нет, а те далече. И из прежних друзей теперь мало кто...

ГОЛОС ВЕРХОВЦЕВОЙ. А ведь странно, что отец твой не в Кремлёвской стене... Искеров всё-таки... Герой рево-

люции...

АЛЁША. А ушёл бы он к белым? Ротмистр и дворянин... Даром что имений у нас уже не было... Как тогда? Я вот понял, почему меня мама чуть не малышом на «Дни Турбиных» водила...

ВЕРХОВЦЕВА (*при словах «Дни Турбиных» выходит из-за ширмы*). Хорошо, что ты помнишь родню. Я-то своих, сам знаешь, в Гражданскую войну лишилась. И где они похоронены? Мне неизвестно... (*Садится в кресло напротив АЛЁШИ*.) Вот тётя здесь, в Москве, приютила. Да ведь и она всё-таки не жила долго. Потом уж Яков Моисеевич взял меня в жёны и близких заменил. Я к ней и к нему тоже часто прихожу. На кладбища.

С АЛЁШЕЙ она одного роста. Эффектная женщина с гибкой статной фигурой, киногеничным лицом и выразительным взглядом. Ей примерно 31 год. Одева элегантно. Всё же возраст – Боже упаси, слегка! – начинает чувствоваться.

АЛЁША. Везло тебе с ним, как я понял.

ВЕРХОВЦЕВА. Да уж... Вон откуда он меня вытащил! Эти песни... Кабаретные... До сих пор в зубах вязнут! А он меня и к театрам подводил, и к кинофабрике... И с учёбой здорово помог. И советы умные давал, и одеваться я хорошо стала... Я ведь прошла через такое... В проституцию или в

воровки не попала чудом... И не подцепила никакую заразу – Бог хранил. И вот награда: артисткой стала... И добрый муж... Только теперь в гробу. Башмаки, кстати, я износила честно, ты не думай! Даже ноги в них стёрла...

АЛЁША (*встаёт, склоняется над ВЕРХОВЦЕВОЙ*). На дя, я ничего не думаю... А принимали меня хорошо вы оба. И на съёмках, и здесь, в Москве... И говорить с тобой хотелось... А разве ты мне в этом отказывала? И пацану, главное! А я у ног твоих мечтал сидеть часами... И целовать их, как в старой литературе... Вот много таких женщин, как ты? (*Не давая ответить.*) А помнишь, как до съёмок мы все пошли купаться? И я тебя в воде обошёл на два корпуса? А потом... Доплыл, залез, прыгнул и нырнул? И ты была за меня рада... Я же почувствовал! И потом в кадре вон как у меня вышло! Да вся страна была рада!

ВЕРХОВЦЕВА. Ты мне со временем стал напоминать мою первую любовь. О нём я тебе не рассказывала, да ты и лишнего не спросишь...

АЛЁША. Я и сейчас не спрашиваю.

ВЕРХОВЦЕВА. Исполнилось нам тогда по шестнадцать, как тебе. Главное, он такой был красивый, что невинность я с ним потеряла проще простого. Мы тогда купались. Плавал он не хуже, чем ты. И смелым оказался. Но, в отличие от тебя, по-дурному. В драке на ножи пошёл, не глядел, что зашли со спины. И завершил свою жизненную дорогу... Ты лучше, чем он... Но я-то совершенна только в образе... Сейчас буду

хорошо играть. Уже в жизни. На людях. Нам ведь пора!

АЛЁША *(словно очнувшись)*. Может быть, я посуду на кухне вымою?

ВЕРХОВЦЕВА. Я прикрою её полотенцами. Вернусь и вымою сама. Так, сейчас иди вперёд и поболтайся на бульваре. Потом ты вроде как меня догонишь... Тогда и договорим напоследок.

АЛЁША. Ясно-понятно... *(Проходит к двери. С вешалки, расположенной рядом, снимает куртку, потом кепку. Первую надевает, вторую нахлобучивает на лоб. Поёт.)* Холодок бежит за ворот, шум на улицах сильней... *(Отпирает дверь, выходит в коридор.)* ДОБРЫЙ ПОЛДЕНЬ, милый город, сердце Родины моей!

Сцена 2

У подъезда дома, где живёт ВЕРХОВЦЕВА. Этот дом расположен на одном из московских бульваров.

Народу немного. АЛЁША быстро покидает подъезд. Осмотревшись, идёт на бульвар. Выходит и ВЕРХОВЦЕВА. На ней шляпка с вуалеткой, явно сделанная по заказу. В руках – сумочка.

1- й НАРУЖНИК *(вырастает перед ней)*. Надежда Пав-

ловна? Счастье-то какое...

2-й НАРУЖНИК (*совсем седой. Та же игра.*). Товарищ Верховцева! Вот не гадал, извиняюсь... Теперь внукам буду рассказывать!

1-й НАРУЖНИК. Надежда Павловна, простите великодушно, ради всего, что вам дорого... Может быть, автограф позволите?

2-й НАРУЖНИК. У меня, извиняйте, аналогичная, хоть, конечно, и неделикатная просьба... Только внуки мои будут счастливы...

ВЕРХОВЦЕВА. Хорошо, хорошо... Но, товарищи, позвольте карандаши и бумагу. И, если можно, что-нибудь твёрдое и прочное под неё.

2-й НАРУЖНИК. Только вы уж, товарищ Верховцева, точные даты поставьте. Для истории советской культуры в нашу эпоху. Пожалуйста, сегодняшнее число конца августа одна тысяча девятьсот тридцать девятого года.

Берёт автограф. 1-й НАРУЖНИК незаметно, но пристально оглядывается. Потом подходит к ВЕРХОВЦЕВОЙ с карандашом и бумагой.

2-й следит за всем вокруг. Разделавшись с ними, ВЕРХОВЦЕВА идёт на бульвар, где крутится АЛЁША.

2-й НАРУЖНИК не по годам молниеносно входит в подъезд, причём 1-й как бы случайно заслоняет его собой. Далее 1-й идёт вслед за ВЕРХОВЦЕВОЙ, но не прямо по бульвару,

а вдоль домов. 3-й НАРУЖНИК вырастает рядом с ним, перехватывает его взгляд, проходит на бульвар. Наблюдает за ВЕРХОВЦЕВОЙ и примкнувшим к ней АЛЁШЕЙ, находясь на почтительном расстоянии от них.

АЛЁША снимает кепку и держит её в руке, так что лицо его можно хорошо разглядеть. ВЕРХОВЦЕВА старается произвести впечатление дамы, которая на ходу выслушивает случайного, юного и пылкого, но застенчивого поклонника. Понятно, замысел ей удаётся. Тем более что АЛЁША игру с ходу понимает и подхватывает.

Речь у обоих всё время звучит тихо.

АЛЁША. Жалко, я, наверное, нескоро в Москву попаду. Да и как ночевать у тебя? Теперь хорошо вышло, что середина дня. Глаз поменьше...

ВЕРХОВЦЕВА. Любое дело кто угодно заметит и домыслит. А может статья, и расшифрует. Один умный человек мне это как-то вовремя объяснил... Просто мы с тобой рискнули и сошлись. Наперекор судьбе. Но что сейчас?

АЛЁША. Нет, ну... А что? Даже вон за автографами к тебе те двое полезли... Меня они вроде бы не заметили.

ВЕРХОВЦЕВА. А мне не нравится, что они от меня так быстро отстали. Обычные поклонники более навязчивы.

АЛЁША. Думаешь... Воры? Домушники?

ВЕРХОВЦЕВА. Не знаю...

АЛЁША. Я тоже думаю... Нет, жениться на тебе, конечно, пока не выйдет.

ВЕРХОВЦЕВА. Да ты о чём?! Я старше тебя на пятнадцать лет.

АЛЁША. погоди. Я, несмотря на это, тебе помогу всегда. Чем и как скажешь. Надо будет – приеду и помогу.

ВЕРХОВЦЕВА. Но ты понимаешь, что у нас невозможно будущее? Или... трудно?

АЛЁША. Я тебе просто служить обещаю. Как выйдет.

Пауза.

ВЕРХОВЦЕВА. Любишь меня.

АЛЁША. Я тебя всегда любил. Это на всю жизнь, по-моему...

Встали оба.

Нет... Я... не питал иллюзий. Тем более когда сестра с зятем меня в Ленинград забрали... Но решил писать тебе. Поздравить с чем-нибудь, просто пожелать удачи. Ты ведь чувствовала тогда. (*Через паузу.*) Ты меня сделала счастливым. (*Ещё через паузу.*) Понимаешь... милая?

ВЕРХОВЦЕВА (*не сразу*). Давай-ка сядем. Вон там скамейка пустая. И людей рядом пока нет.

Идут к скамейке. Садятся. АЛЁША кладёт кепку рядом с собой. Говорят оба по-прежнему негромко и спокойно, по контрасту со смыслом беседы.

(Переведя дыхание). Ладно. Ты прямо, и я прямо. Есть мораль, и есть закон... Даром что я с утра о них забыла.

Приближается 3-й НАРУЖНИК. Он идёт к киоску с напитками, который стоит невдалеке. Сдвигает козырёк своей кепки вверх. Заказывает кружку пива. Пьёт чуть в стороне. 4-й НАРУЖНИК (на вид вполне простой мужик) подходит к киоску. Взяв такую же кружку, присоединяется к коллеге.

3-й НАРУЖНИК. Пацан-то, похоже, Ромео.

4-й НАРУЖНИК *(общается с ним как старший)*. По мимике лица судишь?

3-й НАРУЖНИК. Да. И красив, между прочим. Возможна ситуация... Жаль, что к ним не подойти. Встанут, уйдут – и всё. Место уж больно открытое.

4-й НАРУЖНИК. Ты и так дальнозоркий... *(Не сразу.)* Да... Пацана я вспомнил. Он вместе с ней в кино снимался. И дома посещал, ещё когда был жив муж её, Блюменцвейг Яков Моисеевич. По сводкам факты проходили... Теперь пацан, конечно, вымахал... И вроде бы его отец... Искеров.

3- й НАРУЖНИК. Тот самый?

4- й НАРУЖНИК. Потом всё уточнится. Пока смотрим.

На скамейке.

ВЕРХОВЦЕВА. Мы расстанемся друзьями. Ты уйдёшь гордым. Пусть и с горечью от разрыва. Но подумай... Кого ты в своём возрасте покоришь? Вот и побеждай дальше. Хорошую девушку ты привяжешь легко. Умные люди их видят ясно и никогда не отталкивают. Понимаешь?

АЛЁША. Погоди... Тебе что, нужно, чтобы я совсем исчез?

ВЕРХОВЦЕВА (*через паузу, медленно*). Не надо открывать правду. Не заставляй меня. Это совсем лишнее.

Ещё пауза.

АЛЁША. Правду давай! Мне нужно! И можно. Я пойму... Знаешь, как я иногда локти кусаю, что с каким-нибудь гадом ничего не сделать? И ведь людям его суть не откроешь! Нашим, советским людям... У тебя такой, что ли, появился?

Вновь пауза.

ВЕРХОВЦЕВА. Хорошо, комсомолец Алёша Искеров. Правда будет. Только с условием. Ты принять его сможешь?

По-взрослому? Как мужчина...

АЛЁША. Что за условие?

Вблизи киоска.

3-й НАРУЖНИК. Разговорчик-то у них, похоже, непростой.

На скамейке.

ВЕРХОВЦЕВА. Ты меня как женщину забудешь. Хотя даже ненадолго. Просто чтобы нас обоих не погубить. Ты на такое готов?

АЛЁША. Скажи, кто он. Мне надо.

ВЕРХОВЦЕВА (*не сразу*). Он из Тифлиса. Тьфу ты, по-новому – из Тбилиси. Его в Москву перевели год назад. По какой линии, тебе знать не надо. Тем более имя его хорошо известно. Сейчас мне повезло. Он ведь баб меняет, как бельё. И крутит с одной... Ну, тут тоже лучше без имён. Меня он ненадолго забыл. Но вспомнит. Цветы мне шлёт. С дамой он вежливо обойтись умеет. Культурен временами. Но если откажешь – угробит. Я таких тоже видала.

АЛЁША. А... (*Немой вопрос.*)

ВЕРХОВЦЕВА. Я не выдержала. А смелы мы оба. Авантюристы! К тому же... Сейчас за мной не очень следят. Определить это я способна. В квартиру могут и не полезть...

Но куда я денусь? А ты исчезнешь. Если свобода не надое-
ла... И... Даже жизнь.

АЛЁША (*не сразу, тихо и медленно*). Он, значит, нас обо-
их может уничтожить? И ты пойдёшь на... (*Не договарива-
ет.*)

ВЕРХОВЦЕВА. «Вот, матушка, ты и слушать об этом не
хочешь, каково же было терпеть капитанше?» Знаешь эту
цитату?

АЛЁША. И... Точно тебе деться некуда?

ВЕРХОВЦЕВА. Всегда остается моя тёзка.

АЛЁША. Надежда?

ВЕРХОВЦЕВА. Просто нельзя исключать, что её и похо-
ронят.

АЛЁША. Могут, я вижу. Диалектика, чёрт бы её... Вот
так вокруг посмотришь. И видишь, как хоронят. Причём
сдуру. Это я понял. Только сказать некому. (*Через пау-
зу.*) Конечно, у нас есть головокружения, потом перегибы
и ошибки. И через них пролезают разные типы. А в Евро-
пе... Вон что там Гитлер творит! А мы эту падаль терпим.
Пакт сейчас заключаем, лишь бы напал на нас попозже... А
вот кишки бы гаду всем миром выпустить! Для коллектив-
ной безопасности. Дача дачей, парашют парашютом. А я и
об этом думал!

ВЕРХОВЦЕВА. Для войны тоже надо себя хранить. А во-
обще смотри, не болтай на эти темы.

АЛЁША. Я знаю. Тем более с товарищем Молотовым не

поспоришь. Насчёт пакта.

ВЕРХОВЦЕВА. Ты мне одно скажи...

АЛЁША. Попробую исчезнуть. Даже с концами. А... писать тебе я могу?

ВЕРХОВЦЕВА. Без поводов не надо. Посылай только открытки, как раньше. И поаккуратнее с чувствами. Ты был корректен, называл меня исключительно на «Вы» и поздравлял с праздниками. Так вот, за эти пределы и впредь не выходи.

АЛЁША. Понятно. А с этим твоим... Ты, может быть, ещё как-нибудь потихоньку развяжешься?

ВЕРХОВЦЕВА. Авось кривая вывезет. Кстати... На поезд ты спокойно успеешь. Вещи твои ведь в камере хранения?

АЛЁША. Не по Москве же их таскать. Я... С друзьями зятя простился пораньше, затем на вокзал. Оставил там вещи, букет купил – и к тебе.

Вблизи киоска.

3- й НАРУЖНИК (*допивая пиво*). Ну... Даёт гастроль любимица народа! Мужиков гражданке Верховцевой не надо. Ей малолетка подавай. Ладно, уже крючок... Растление!

4- й НАРУЖНИК. Не факт. Днём с фонарём мы у кровати не стояли. Может, они чай пили по знакомству? А такой пацан, случись что, упрётся как бык. Мол, не было – и всё! И она повернёт разговор туда же.

3- й НАРУЖНИК. Можно... (*Через выразительную паузу.*) Построже расспросить.

4- й НАРУЖНИК. Если указание дадут. Но это – возможная задача следствия. А решение принимает товарищ народный комиссар. Лично. Эту карту я сейчас открываю специально для тебя.

3- й НАРУЖНИК (*не меняя позу и не повышая голос*). Какие инструкции?

4- й НАРУЖНИК (*также допивая пиво*). Она должна двинуть в Главтворкадр. Здание, сам знаешь, в двух шагах. Но назначенное время приёма подходит. Там наши люди её удержат. Предупреждены. Как у неё дома всё закончится, так и отпустят.

Дадут ей машину. Откажется – просто другие пронаблюдуют. Сейчас важен пацан. Любовь любовью, а вдруг антисоветские настроения? Надо знать, куда он пойдёт и где осядет. Я его веду напрямую, ты дублируешь. Ну и её... Не упускать из виду. До порога учреждения.

3- й НАРУЖНИК (*прежним тоном*). Когда прикажете выполнять?

4- й НАРУЖНИК. Учить тебя, что ли, надо? Пусть разойдутся.

На скамейке.

ВЕРХОВЦЕВА. Ну, теперь и дальше я одна. Ты отправляйся на вокзал. Но время у тебя есть. Погуляй... подольше. Будто бы переживаешь радость от чаепития и беседы с лю-

бимой актрисой. Сыграй вот так. Ясно?

АЛЁША. Жалко, не поцеловать тебя... Но всё равно. Ты – моя любовь.

ВЕРХОВЦЕВА. Спасибо, Алёша. Но постарайся найти настоящее счастье.

АЛЁША. Надя... Вот не надо. Не говори. В общем – прощай.

ВЕРХОВЦЕВА. Прощай.

Он поднимается. Надев кепку, уходит. Она остаётся на скамейке.

(Одна.) Эх ты, строгий подросток... Хотя какой подросток? Всем бы мужчинам быть такими!

Встаёт и движется.

Сцена 3

Дача в Подмосковье. Обстановка комфортабельная, но без излишеств.

За обеденным столом БЕРИЯ и ВЕРХОВЦЕВА. Они завтракают. ВЕРХОВЦЕВА одета как в предыдущих сценах

(только без шляпки). БЕРИЯ в форме. На протяжении всей сцены он весел, спокоен, ироничен.

БЕРИЯ *(как бы внезапно)*. Надя, дорогая... Слушай... Ты только женщина? Или ты ещё и великая актриса?

ВЕРХОВЦЕВА. Ты знаешь, Лаврентий, что я тебя боюсь. А твоих намёков – тем более. Согласись: другая бы тебе этого не сказала. Она бы льстила тебе. Пела бы, какой ты ангел. А я честно говорю, что ты мне страшен. Делай с этим что хочешь!

БЕРИЯ. Надюша... Сколько я женщин имел... Но не все такие честные! Кто-то со мной спит из-за карьеры. Кто-то за подачку. За квартиру тем более. Кто-то даже мужа хочет продвинуть. Или выручить из чего-нибудь. Смешно, правда?! Другая... В лагерь пойдёт! Но мужу не изменит! Я жён врагов народа, конечно, стираю в пыль. По закону. Который ещё и не я писал. Но при этом их уважаю. Имей в виду. ВЕРХОВЦЕВА. Я вдова.

БЕРИЯ. А вот хорошо... Сказать когда?

Встаёт. Двигается вокруг ВЕРХОВЦЕВОЙ. Иногда садится, потом снова встаёт. Продуманно и аккуратно привязывает эту игру к своим и ответным репликам. Реакции собеседницы контролирует. Так – вплоть до конца сцены.

В юности. Когда кровь у парня кипит. И баба его берёт...

А куда ей деться? Если... Понадобилось?!

ВЕРХОВЦЕВА (*ровно*). Не понимаю.

БЕРИЯ. Ты плохой конспиратор. Даром что актриса. Тебе бы у нас послужить. Но ты и так на нас работать будешь. А за хорошую работу полагается награда. Тем более что я тебя люблю... Почему в окно смотришь? Газон тут, на даче, не нравится? Мы исправим это упущение. Скажи только, что посадить.

ВЕРХОВЦЕВА (*не меняя тон*). Или кого?

БЕРИЯ. Люблю прямой разговор...

ВЕРХОВЦЕВА. Что от меня понадобится?

БЕРИЯ. По линии культурных дел мы тебя сигнализировать не заставим... Глаз и ушей на этом фронте хватает. Да нам и суетиться незачем. Кого давить надо, партия высмотрит. И раздавит. А мы, органы, партии в этом поможем. Коекого и защитим. Если человек всё же полезным будет... После урока. И так везде. Сама давно могла понять!

ВЕРХОВЦЕВА. Что тогда?

БЕРИЯ. Иностранцев станешь очаровывать. Не всех, конечно. А тех, кого наши комбинации потребуют. Понятно, стимулы от нас будут. Но так, чтобы тебя не расконспирировать.

ВЕРХОВЦЕВА. Какие именно?

БЕРИЯ. Ну, например... Квартиру отдельную наконец-то получишь. А то бегают к тебе домработница на уборки. В эту твою коммуналку. В кино и на сцене будем тебя продвигать.

Негласно, конечно. А то ты не любишь выпрашивать.

ВЕРХОВЦЕВА. Я всегда старалась не выпрашивать.

БЕРИЯ. Меня твоя выдержка восхищает сильнее. Хоть тост за неё поднимай! Сейчас еле сидишь... И – ни слова. Состав преступления, тут дело понятное.

ВЕРХОВЦЕВА. Какого преступления? И... о чём это – «ни слова»?

БЕРИЯ. Не признаёшься... Ну, я и не требую... А мальчишка – золото, слушай! Хоть в Тбилиси его. Даже в Авлабари! Как он нырнул и на вокзале вынырнул!.. Топтуны наши едва не прохлопали. Правда, я в его годы... развивался гораздо интереснее.

ВЕРХОВЦЕВА. Если ты о...

БЕРИЯ (*перебивает*). Именно.

ВЕРХОВЦЕВА. Он отдал знак внимания. Цветы. И уехал к себе. Я его покормила. Не отпускать же мальчишку голодным в дорогу!

БЕРИЯ. Логичная версия!.. Но подтвердить это способны только вы двое?

ВЕРХОВЦЕВА. Людей в квартире действительно не было. (*Невинным тоном.*) Разве что... В моё отсутствие кто-нибудь заходил?..

БЕРИЯ. Ещё поэтому, Надя, я потороплюсь с отдельной квартирой для тебя. Там контроль вести легче... Правда, горячий поклонник, молоденький такой, может гнать тебя и по бульвару. Да?

ВЕРХОВЦЕВА. Я даже говорила с ним. Довольно долго. Твои люди не могли это не заметить. Вежливо и по-умному просила не преследовать меня.

БЕРИЯ. А он?

ВЕРХОВЦЕВА. Постарается. По-честному. Тем более между нами несколько сотен километров.

БЕРИЯ. Он не мог знать, что его ведут. Если чутьё сработало... *(Пауза.)* Тогда... *(Пауза.)* Пусть сидит. *(Пауза.)* В своём Ленинграде. Пусть в школе тихо учится! Письма и мелкие встречи я вам разрешаю, если хотите. Переспать если снова приспичит, возражать не буду. Но не больше и не в ущерб делу!

ВЕРХОВЦЕВА. Рано или поздно он забудет меня. И девушки появятся. Да ты сам понимаешь.

БЕРИЯ *(садится на стул рядом с ВЕРХОВЦЕВОЙ)*. Отца его я знал немного. Как лев воевал, слушай! Такой верности от бывшего царского офицера даже *(чуть понизив голос)* Иосиф Виссарионович не ожидал. Конечно, это между нами... Поэтому сыну положена спокойная жизнь. Вслед за слугам отца. Я постараюсь. И Серго Гоглидзе в Ленинграде постарается. Но и ты тоже здесь старайся.

ВЕРХОВЦЕВА. Я буду.

БЕРИЯ. А вот тут, Наденька, я тебе верю. Я не Станиславский покойный. Правда, он бы тоже поверил. Но он жил на сцене. А я играю в жизни. Чувствуешь разницу?

Сцена 4 (рефрен)

Рубеж весны и лета 1990 года.

Стандартная отдельная квартира в современном ленинградском доме. Обстановка соответствует времени.

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА СУРОВЦЕВА, скромно одетая женщина 67 лет, сидит и смотрит телевизор. Передают интервью с профессором ИСКЕРОВЫМ. Тот – на экране – совершенно сед, в очках.

ГОЛОС ЖУРНАЛИСТА. Не вы первый отмечаете внутреннее сходство разных исторических переломов.

АНЯ (*входит. Над ухом ЕВГЕНИИ СЕРГЕЕВНЫ.*). Бабушка, кто это?

ГОЛОС ИСКЕРОВА (*любезно*). Я всегда рад сойтись во взглядах с людьми.

АНЯ. А, Искеров... (*Садится.*)

ГОЛОС ЖУРНАЛИСТА. А как вы относитесь, скажем, к рок-музыке? Это ведь тоже переломное явление.

ГОЛОС ИСКЕРОВА. Как к попытке смело выкрикнуть новое слово в искусстве. И я не одобряю её бездумную критику. Во времена моего детства осуждали танго, фокстро-

ты... Хотя танцевали их все... Невинные романсы, и те считались знаками буржуазного разложения. А теперь всё это – признанные жанры. Зачем же вновь бессмысленные загибы? Хочет кто-то молодёжь потерять?

ГОЛОС ЖУРНАЛИСТА. Получается, и рок признают?

ГОЛОС ИСКЕРОВА. Уже признают. Вы, наверное, это знаете не хуже, чем я.

АНЯ (*не без одобрения*). Он в своём репертуаре. Даром что немного сухарь.

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Тише, пожалуйста.

ГОЛОС ЖУРНАЛИСТА. Вернёмся к истории. Ваш отец – тот знаменитый красный командир... Он был человеком перелома? Всё-таки из бывших офицеров, из старинного дворянского рода.

ГОЛОС ИСКЕРОВА. Напомню, что он умер в 1926 году. Мне тогда было три с половиной года. Личных впечатлений об отце у меня, я вам говорил, нет. К чужим точкам зрения они примешиваться не могут. К объективной оценке – точно так же.

ГОЛОС ЖУРНАЛИСТА. И какова оценка?

ГОЛОС ИСКЕРОВА. Мой отец делал выбор. Но свою судьбу не отделял от судьбы страны. А ведь сейчас настало также время переломное. И важно не ошибаться с выбором. Вопрос только – к чему идти.

ГОЛОС ЖУРНАЛИСТА. Что же, Алексей Николаевич, к сожалению, наша встреча подходит к концу. Спасибо за

беседу.

ГОЛОС ИСКЕРОВА. Спасибо за внимание.

ГОЛОС ЖУРНАЛИСТА. С нами был доктор исторических наук, профессор Алексей Николаевич Искеров. Удачи, дорогие телезрители!

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА (*поднимается с кресла и выключает телевизор*). Как-то живо чувствуешь, что на дворе 90-й год. И думаешь, сколько лет нам обоим.

АНЯ. Ну да, одноклассники.

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Видимся-то мы теперь редко.

АНЯ. Зато я с ним часто. Ничего, ко мне доброжелателен. Видимо, оттого, что я – внучка своей бабы Жени. Между прочим, сядь.

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Ты сядь, а я, баба Женя, насиделась... Кстати, в школе Алексей Николаевич выглядел... Не очень весёлым, это правда... Но не ныл никогда! А учился великолепно. Вдобавок советы нам давал такие... Его и комсорги слушали! У нас до собраний не доходил ни один неприятный случай. Ну, если только нечто чрезвычайное...

АНЯ. Исчерпывать инциденты он умеет. Это правда. И ничего плохого людям не делает.

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. А что сухарём оборачивается – это чистая самозащита. Сама подумай... Решат, что на человеке можно ездить. А шея ни у кого не железная.

АНЯ. Нахалов строить он тоже умеет. Притом качественно. Это тебе не фильм «Осенний марафон»... Но ведь ты за-

муж вышла всё-таки за деда?

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Нас с Алексеем Николаевичем война разметала... Потом было не переиграть. И зачем? Семьи сложились хорошие у обоих...

АНЯ. Но почему моя будущая бабушка Евгения Сергеевна Ракитина, по мужу Суровцева, проехала мимо такого парня?.. Или соперниц испугалась?

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА (*словно бы не слыша последних вопросов*). Алёша, кстати, и в юных киноактёрах побывал. «Покорители глубокого моря» – знаешь, как в конце тридцатых этот фильм прогремел? Не хуже, чем «Дети капитана Гранта»! (*Через паузу.*) Был у Алёши очень серьёзный роман. Но я об этом никогда не сплетничала. И сейчас не буду.

Действие второе

Рубеж августа и сентября 1939 года.

Сцена 5

Очень недолго звучит танго из балета Шостаковича «Золотой век».

Комната в коммунальной квартире на Васильевском острове.

Сидят юные ЖЕНЯ РАКИТИНА и ЛЮБА МАРГУЛИС. Они хороши собой, по-спортивно подтянуты, при этом домовиты.

ЛЮБА. Я к Алёше Искерову всегда относилась строго по-товарищески. И ты, Женя, это знаешь. Тебе не в чем меня упрекнуть.

ЖЕНЯ. Он ко всем девочкам относится так же. Вежлив, но ведь ни за кем не ухаживает. Возможно, любовь у него уже была. И, наверное, с разрывом. А тогда предмет тяжело забыть. Я это понимаю.

ЛЮБА. Надо взять над товарищем доброе моральное шефство. Только ты имей в виду, что Алёша очень непрост. В кино вот снимался.

ЖЕНЯ. Правда?

ЛЮБА. Как то, что меня зовут Любовь Маргулис.

ЖЕНЯ. А где?

ЛЮБА. В «Покорителях глубокого моря». Неужели ты его не видела?

ЖЕНЯ. Да ведь там масса народа! И мелькают все так быстро...

ЛЮБА. Алёша играл заводилу. Вот той водной ребячьей ватаги. Ну, эпизод... Где Верховцева в воду уронила бинокль. Алёша бросается, ныряет и чуть не со дна достаёт.

Вспомнила?

ЖЕНЯ (*не сразу*). Ой, да... Точно!

ЛЮБА. Хотя роль всё-таки была эпизодической.

ЖЕНЯ. Там взрослые везде на первом плане.

ЛЮБА. Они его и заслонили. И в титрах он не указан. Да и вырос с тех пор... Но лицо-то сейчас можно узнать. Пусть даже мимолётом. (*Через паузу.*) Странно всё же, что ты Алёшу не заметила. Или смотрела невнимательно? Ни в кино, ни в театре так нельзя.

ЖЕНЯ. Алёша ведь почти ничего не говорит о своей московской жизни. И о том, что в кино... Стой! Я этот его молчок только сейчас осознала! Как же так?

ЛЮБА. А что ты решила? Что у него отец – враг народа? Или что он просто задаваться не хочет? Он, кстати, скромнее нас, девчонок. А характер железный.

ЖЕНЯ. Так у него и отец был железный. И никакой не враг.

ЛЮБА. Слушай, я читала, как шёл на врагов Советской власти легендарный Николай Павлович Искеров. Только ведь Алёша сам строит свою жизнь. Без отца. Как бы он его ни чтил.

ЖЕНЯ (*встав*). И что Алёша? Без родителей что-то плохое сделал? В японскую разведку завербовался?

ЛЮБА. Ты вот так шути поосторожнее! А то всерьёз примут. Кстати. Только – тсс! Подойди-ка...

*ЖЕНЯ садится на подлокотник Любиного кресла.
Наклоняется к ЛЮБЕ.*

(Негромко.) В общем... Сейчас негласно считается, что по линии НКВД были... Отдельные перегибы. Кое-кого и освободили. И даже вернули к работе. Но это строго между нами. Я тебе не говорила. Ясно?

ЖЕНЯ. Ой, подруга Любочка! Я что, не понимаю?

ЛЮБА. Ладно, подруга Женечка. *(Показывает на прежнее место ЖЕНИ.)* Сядь, пожалуйста...

ЖЕНЯ выполняет эту просьбу.

Если честно... Я о Косте Антонове всерьёз думать начала. Шалопай он, конечно. Но мозги у него есть. И упорство. И я их, знаешь, разовью. На его благо.

ЖЕНЯ. А что Алёша?

ЛЮБА. Парней надо уметь выбирать. Иногда из лучших. А сват рядом не будет. Но мы, девушки, от неопытности плохо разбираемся в своих чувствах.

Пауза.

ЖЕНЯ *(медленно, с нарастающей силой эмоций)*. А вдруг с Костей у тебя не сложится? Он же балабол! Мы с тобой тогда Алёшу будем делить? Не гарем ведь парню устраивать

из будущих невест?!

ЛЮБА (*также заводится, но слегка*). И что мы сделаем? Может быть, сцену из «Бесприданницы» поставим? Когда в орлянку живого человека разыгрывают?

ЖЕНЯ. Это Алёшины дальние предки могли разыгрывать крепостных в карты. Или даже в орлянку. А теперь мы все – советские люди. И наше трагическое прошлое изживаем.

Пауза.

ЛЮБА (*успокоившись*). Словом, мы вот что... Ты с ним сблизиться постарайся. Меня рядом не будет. (*Твёрдо.*) Честное комсомольское! Вдобавок я сделаю так, что Костя от меня не уйдёт. Его на других уже не тянет. А ты действуй. Всё зависит от тебя.

Пауза.

ЖЕНЯ. Спасибо, Люба. (*Встаёт.*)

ЛЮБА. Не за что. Я всё чувствую.

Сцена 6

Одна из линий Васильевского острова. ЖЕНЯ сталкива-

ется с АЛЁШЕЙ.

ЖЕНЯ. Алёша, здравствуй.

АЛЁША (*чуть сухоовато*). Здравствуй, Женя.

ЖЕНЯ. Давно не виделись, Алёша. Как у тебя дела?

АЛЁША (*с едва уловимой тяжёлой нотой*). Надеюсь... У тебя не хуже.

ЖЕНЯ. А я из кино сейчас. Знаешь, какой фильм показывали? «Покорители глубокого моря».

Пауза.

АЛЁША (*возможно более нейтральным тоном*). И... как тебе?

ЖЕНЯ. Мы-то не сразу поняли. А почему ты сам не рассказывал? Что снимался?

АЛЁША (*обнаруживает самообладание, смешанное с раздражением*). Чтобы вы мне зазнайство пришили? И вообще, когда фильм вышел, в газетах писали обо всех нас. Два года назад. Я эти рецензии повторять обязан?

ЖЕНЯ. Да ты не думай. Как актёр роль переживает, я знаю.

АЛЁША. Это потому, что ты теперь ходила в драмкружок?

ЖЕНЯ. Ну... В общем... Я... Очень рада... За тебя... Понимаешь?

Пауза.

АЛЁША. Вот что, товарищ Женя Ракитина. Если мне по общественной линии велют выступить с рассказом о съёмках, я выполню поручение. Но и только. Я актёром не буду.

ЖЕНЯ. А... кем?

АЛЁША. Я по истории книги начал читать.

ЖЕНЯ. В историки, значит, думаешь?

АЛЁША. По-твоему, этого не надо? Я туда думаю не один.

ЖЕНЯ. Да нет, я... Вовсе не говорю. И партия учит нас относиться внимательно к истории нашей Родины.

АЛЁША. Вот я и стараюсь.

ЖЕНЯ. Слушай, Алёша... А хочешь, сходим в Зоосад? Если он не закрыт? Или когда тебе будет удобно?

АЛЁША. Это тоже по общественной линии?

ЖЕНЯ. Да просто зверюшек посмотрим. Ты же их любишь... Я и это заметила...

Пауза.

АЛЁША (*вздыхнув. Как можно мягче и тактичнее.*). Женя, ты извини... Но я сейчас занят по горло.

Сцена 7

Лето 1940 года.

Звучит инструментальная версия танго Строка «Голубые глаза».

Газетный стенд. У него – маленькая толпа, в которой не сразу заметен АЛЁША. Все читают и обсуждают одну-единственную публикацию.

МУЖСКОЙ ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ (*с дикторскими интонациями озвучивает текст*). Кроме трагически погибшей артистки-орденоносца товарища Верховцевой на момент катастрофы в автомашине также находились: народный артист Союза ССР, орденосец товарищ Косицын; работник киностудии товарищ Фриденсон; водитель автомашины товарищ Терентьев. К сожалению, спасти жизнь никому из них не удалось. Тот факт, что катастрофа связана с делом киносъёмки, не может не вызвать определённых подозрений. Ведётся следствие.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Ой, господи... Наденька... Да что же это?! Надюша-то наша...

ЖЕНЩИНА ПОМОЛОЖЕ. Что ж такое творится?!

НЕМОЛОДОЙ МУЖЧИНА. Поймите, товарищи, это чу-

довишная трагедия! Я уж молчу о человеческих жизнях, о жизни... Дорогой Надежды Павловны! И великого Косицына! Но какова утрата для искусства! Для всей нашей культуры!

МУЖЧИНА ЛЕТ 35. Это теракт, товарищи! Вредительство! Ну ничего, органы всех вынут на солнышко! Да за Надю не то что расстреливать – головы рубить мало!

ОБСТОЯТЕЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ (АЛЁШЕ). Парень, с тобой всё в порядке? (*Не дожидаясь ответа.*) А ну-ка, отойдём...

Ведёт АЛЁШУ за руку, как маленького. Тот ему подчиняется.

ЖЕНЯ (*налетев на обоих*). Алёша... Что с тобой? Господи, что случилось?

ОБСТОЯТЕЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ. Газеты надо читать, девушка милая.

ЖЕНЯ. Да что такое?!

ОБСТОЯТЕЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ. В Подмосковье на киносъёмках катастрофа. Несколько человек погибло. Среди них... Верховцева.

ЖЕНЯ (*связав всё мгновенно*). Алёша, ты-то как?!

АЛЁША (*еле обретя дар речи*). Со мной всё в порядке. (*ОБСТОЯТЕЛЬНОМУ РАБОЧЕМУ.*) Спасибо за поддержку, товарищ. Извините за беспокойство.

Уходит. ЖЕНЯ идёт за ним. ОБСТОЯТЕЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ (видимо, на всякий случай) – тоже.

Сцена 8 (рефрен)

Рубеж весны и лета 1990 года.

Квартира ЕВГЕНИИ СЕРГЕЕВНЫ СУРОВЦЕВОЙ.

АНЯ (*стоя*). А ты статью читала? «Загадки гибели Надежды Верховцевой»?

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА (*сидя*). Люди и тогда думали разное. А горе было сильным. У всех. В нашем классе о ней очень жалели... Алёша, например... Эта катастрофа в сороковом году случилась. А он слегка отошёл только к весне сорок первого. Снимался же с Верховцевой...

АНЯ. А может, это с ней у него был серьёзный роман? (*Под взглядом бабушки.*) Я чисто теоретически...

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА (*директивным тоном*). Вот за пределы этих теорий я тебя очень прошу не выходить. И строить гипотезы вслух тоже не надо!

АНЯ. Бабушка, ты не дурёхам из девятого класса мозги чистишь!

Пауза.

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Если честно... Я иногда боялась, что Алёша просто с собой покончит. Ей-богу! А держался парень всегда без истерик. Вот так скажет, что у него всё прекрасно... Не беспокоиться попросит. И – с головой уйдёт в учёбу, в другие хлопоты... Он и подработать себе на карманные расходы умел.

АНЯ (*цитирует*). Гвозди бы делать из этих людей...

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Это написали о других... Алёша своё горе просто пытался заглушить. (*Через паузу.*) Двадцать второго июня, правда, и не такое отодвинуло на сотый план... У нас у всех... Вообще, на войне мы насмотрелись...

Пауза.

АНЯ. А... Что всё же с Верховцевой могло быть? Ликвидировали за что-нибудь?

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Да нет... Не думаю. Людей тогда под суд отдали... Кое-кто под расстрел попал. Берия лично озверел. Да ты сама читала. Видно, какие-то игры с Верховцевой там поломались. Или они решили устроить показательную порку.

АНЯ. Хорошо всё-таки, бабушка, что мы историки, а не артисты.

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Я беру с тебя твёрдую клятву, что ты не будешь заикаться на эти темы! Я, правда, сама виновата. Съехала на них почём зря...

АНЯ. Нет проблем. (*Через паузу.*) Алексей Николаевич – супермен, конечно. Это я без иронии.

Действие третье

Ранняя весна 1941 года.

Сцена 9

Отдельная квартира в Ленинграде. Большая комната с накрытым столом. Идет молодёжная вечеринка без участия старших. Среди гостей выделяются ЖЕНЯ РАКИТИНА (сидит на стуле) и ЛЮБА МАРГУЛИС (на ногах).

АЛЁША ИСКЕРОВ сидит за столом. На нём хороший новый костюм. Чуть поодаль от стола – КОСТЯ АНТОНОВ. Здоровенный весёлый парень, ловкий, как кошка, он стоит и перебирает пластинки.

КОСТЯ. Предлагаю поставить... «Забытое Танго». Кото-

рое весеннее. Тем более март на улице. А «Утомлённое солнце» лично у меня в печени сидит. Кто «за»? (С пластинкой в руке оглядывает всех.) Принято единогласно.

ЛЮБА. Не вздумай иглой поцарапать! Вадим Алексеевич вообще на вес золота!

КОСТЯ. А то я не знаю, кто такой Козин! Загадочный питерский джентльмен с цыганской кровью...

Так! Внимание! Пластинка на месте. Кавалеры приглашают дам. Пардон за старорежимность.

Собираются пары. Взрывом взлетает вступление. Звучит решённая в ритме танго музыкальная цитата из романа «Не уходи».

КОСТЯ (пропевает под неё, умело ведя в танце ЛЮБУ). Я поцелуями покрою...

ЛЮБА ухитряется стукнуть КОСТЮ кулачком под лопатку, потом возвращает руку ему на плечо.

АЛЁША (быстро, но без суеты поднимается. Говорит ненавязчивым тоном, но громко и раздельно. ЖЕНЕ). Разреши, пожалуйста, пригласить тебя.

На секунду в комнате возникает немая сцена. Видимо, ситуация необычна.

ГОЛОС ВАДИМА КОЗИНА.

Сияла ночь, в окно врывались гроздьи белые.
Цвела черёмуха, о, как цвела она!

*ЖЕНЯ перехватывает взгляд ЛЮБЫ. Поднимается на-
встречу АЛЁШЕ, входит в танец с ним.*

ГОЛОС ВАДИМА КОЗИНА.

Тебя любил, тебе шептал слова несмелые,
Ты в полночь лунную мне сердце отдала.

*Все не столько танцуют, сколько смотрят, как это де-
лает АЛЁША. Он движется очень уверенно, ловко, аккурат-
но. Чувствует ритм.*

ГОЛОС ВАДИМА КОЗИНА.

И вот когда пройдут года, ты вспоминай меня,
Не забывай моё весеннее танго.

*ЖЕНЯ старается не смотреть в глаза АЛЁШЕ.
Следит «за ногами».*

ГОЛОС ВАДИМА КОЗИНА.

Пришла весна, но нет тебя, моя любимая.
Так хорошо с тобой мне было и легко.

В итоге рядом с АЛЁШЕЙ и ЖЕНЕЙ оказывается пустой стул.

ГОЛОС ВАДИМА КОЗИНА.

Рояль закрыт, и не звучит моё любимое,
Тобой забытое весеннее танго.

АЛЁША отпускает ЖЕНЮ. Отдаёт ей лёгкий полупоклон. Отходит в сторону. ЖЕНЯ садится.

КОСТЯ (вроде бы случайно вновь пропевает). Тебя я ласковой огневою...

*ЛЮБА смотрит на него так, что КОСТЯ молчит.
Пластинка останавливается.*

(Оставив ЛЮБУ, подходит к АЛЁШЕ). Лёша, ну ты готовый артист! Прямо как на балу до революции...

АЛЁША (*корректно*). Видишь ли, Костя, на тех балах танцевал не я. А танго в свете воспринималось как моветон. Что в переводе означает «дурной тон».

КОСТЯ (*цитирует Гоголя*). Должно быть, французское слово.

АЛЁША (*подойдя к стулу, на котором сидит ЖЕНЯ*). Когда ты пойдёшь домой, я буду рад проводить тебя. Ты не против?

ЖЕНЯ. Нет, конечно.

КОСТЯ (*ЛЮБЕ, негромко*). Дозрел сознательный товарищ, слава Тебе, Господи!

Сцена 10

Место действия прежнее. Несколько пар разбредается по разным закоулкам квартиры. В угол с мягким диванчиком попадают КОСТЯ и ЛЮБА.

КОСТЯ (*поёт*).

Поглядит он в Любушкины очи,
Крепко к сердцу Любушку прижмёт.
И в тиши прозрачной лунной ночи...

ЛЮБА. Может быть, хватит?! Ночь с честной девушкой надо заслужить. Даже выстрадать! И сразу свадьба! А ты как думал? Это – раз. Во-вторых, прости, милый, но вокальные данные у тебя гораздо хуже, чем у Вадима Алексеевича. И кто принёс это дурацкое вино? Хотя я знаю... Но ты без второго стаканчика мог бы и обойтись!

КОСТЯ (*задорно*). Ну, ты меня воспитываешь, очаровательный танк! Мама папе читает нотации за вторую рюмку водки, теперь ты за меня взялась!

ЛЮБА. На месте Клавдии Парфёновны я бы выдала вам обоим и за первую! Спьяну в жизни ни к чему не придёшь! А тебе в ВУЗ поступать... Ну, я тебе с этой дороги сбиться не даю. И не дам!.. (*Кивнув на диванчик.*) Сейчас сядем здесь.

Садятся.

А чтобы ты руки не вздумал распускать, давай-ка их сюда. Обе! Вот так! И я их подержу. В порядке распространённого приёма девичьей самозащиты!

Вкладывает Костины руки в свои. Так они и сидят.

КОСТЯ (*нежно*). А знаешь, какая ты яркая, когда меня учишь?

ЛЮБА. А ты думаешь... Я доброту твою не оценила? Смелость тем более... Вот самодисциплины тебе не хватает.

КОСТЯ высвобождает одну руку, обнимает ЛЮБУ за плечи. Другой берёт за талию. Тихо, но уверенно целует её в лицо. ЛЮБА не сопротивляется. Потом отвечает не менее сильным поцелуем. Пауза.

(Отодвигается от КОСТИ. Прикрывает смущение иронией.) Теперь вся наша самодисциплина на месте...

КОСТЯ. Так у нас же чувства. Куда от них?

ЛЮБА. Никуда. А с ними – в жизнь. И знаешь... Жизнь бывает нелёгкой.

КОСТЯ. Точно. Иногда как по карнизу идёшь. Или на самое дно реки ныряешь и оттуда выныриваешь.

ЛЮБА. Таким тебя не испугать. И драками тоже. Я знаю. Но я волнуюсь. Я ведь и поэтому тебя контролирую...

КОСТЯ *(особенно по-доброму)*. Не бойся. Не надо. *(Придвигается к ЛЮБЕ и вновь крепко обнимает её.)* Я тебя люблю.

ЛЮБА. А я тебя...

Сидят молча, обнявшись.

МУЖСКОЙ ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. Константин Степанович Антонов погиб смертью храбрых в 1943 году. Ему должно было исполниться двадцать лет. Посмертно он получил звание Героя Советского Союза.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. Ранее, в начале июня 1941 года, Костя женился на Любе Маргулис. Они прожили вместе некоторое время. Люба взяла его фамилию... В войну она оказалась на Кировском заводе, который, как известно, действовал в блокаду. Потом училась. Работала в секретном учреждении. Да, защитила диссертацию.

Замуж она вновь так и не вышла. Случаи возникали, но не складывалось. Туда, где похоронили Костю, Любовь Яковлевна ездила, пока позволяли силы. Умрёт она, пережив девятые годы. Евгения Сергеевна Суровцева с домочадцами не бросит старую подругу до конца её дней.

Сцена 11

Одна из линий Васильевского острова всё в тот же мартовский вечер 1941 года. (Мыслима декорация 6-й сцены.) Тихо идут ЖЕНЯ РАКИТИНА и АЛЁША ИСКЕРОВ.

ЖЕНЯ. Знаешь, Алёша, спасибо тебе.

АЛЁША (ровным тоном человека, которому хуже не будет. Сохраняет этот тон до конца сцены.). Женя, да мне просто стыдно. Мучаю тут тебя... Не хватало только, чтобы из-за меня над тобой смеяться начали! Я ведь не виноват,

что... Даже рассказать тебе ничего не могу.

ЖЕНЯ. А я догадалась. Сама.

АЛЁША (*не сразу*). Когда я в газете прочёл? ЖЕНЯ. Ты её любил. Я поняла. Не знала, как быть. Но помочь тебе хотела.

Пауза.

АЛЁША. Я о НЕЙ молчу... Да... Я справился. Но силы ушли... Всё химера. Мираж. (*Вдруг одёрнув себя.*) Это я о личном, конечно. Только о личном. ЖЕНЯ. А я... Нужна тебе? Нет, ты не думай...

АЛЁША. Я очень боялся, что ты на меня обидишься. И без того...

ЖЕНЯ. Я же тебя...

АЛЁША (*по-прежнему ровно и тихо, но с напором*). Не надо. Пожалуйста. Тебе от этого только хуже! А я всё равно ЕЁ помню. И навьючивать тебя ничем не имею права. Пони-маешь?

ЖЕНЯ. Но если это мираж... Терзаться-то всю жизнь за-чем?

Пауза.

АЛЁША. Знаешь... Там, на Чёрном море... На съёмках... Что со мной случилось? Я как-то на закате искупался. Перед сном. Приплыл назад, вылез из воды. А потом ещё гулял

один. У полосы приборя. Шёл босиком и вдруг подумал, что никакая тьма не страшна. Даже стихи написать захотелось! Что ночь пройдёт, тьма исчезнет... А солнце встанет. И я увижу... Ну хорошо, о НЕЙ не буду. И не могу. Сказал же!.. Так вот теперь эта радость и умерла. Лишь память уродует мне жизнь. А кто поможет? На тебя не свалишь. Или даже на сестру. На зятя тем более... И я... залез. Внутрь себя. Попробуй тут вылез!

ЖЕНЯ. А по-моему, ты накрутил. И вылезешь по-хорошему. Меня ты знаешь как поддержал сейчас?

АЛЁША. Чем? Этой танцуйкой? Или тем, что на тебя свой груз обрушил?

Небольшая пауза.

ЖЕНЯ. Сама не понимаю. Только ты меня поддержал.

АЛЁША. Я рад... Но... (*Не сразу.*) Ты не надейся, что у нас что-то выйdet... Я ведь душевно пуст сейчас. И лёгкие увлечения не для меня. Просто... Хорошо, что мы друг другу правду говорим. Я-то уже знаю, как дорого это стоит.

ЖЕНЯ. Мы друзья...

Звучит инструментальная версия танго Листова «Если любишь, найди».

Сцена 12

Отгороженная ширмой часть комнаты, где живёт АЛЁША. Окно задёрнуто шторой. Рядом с ним столик, табуретка и стул. На узком диване разобранная постель. Над диваном висят на крюках две пары боксёрских перчаток и эспандер.

У изголовья на стене размещена большая, красиво выполненная фотография ВЕРХОВЦЕВОЙ в траурной рамке. Немного в стороне находятся боксёрская «груша» и гантели.

Из других предметов обстановки выделяются книги. Их много. Они аккуратно сложены на столике, на табуретке и подоконнике.

Поздний вечер. Горит настольная лампа. АЛЁША, одетый по-домашнему, сидит за столиком. Смотрит в открытую книгу небольшого формата. Но не читает.

РЫСНЁВ (появляется у АЛЁШИ за спиной). Лёха! Ну ты опять не ложишься!

АЛЁША (оборачивается. Говорит спокойно.). Да, Витя, прости. Вы с Олей там укладываетесь. Я сейчас дочитаю. Тарле, сам понимаешь. Привлёк меня.

РЫСНЁВ (мягко). Конечно, дело полезное. Но рано под-

нимается весь трудовой народ. Учащийся народ – то же самое. Так что марш в постель, милый шурин. Кстати, ты бы французов не очень охватывал...

Аморальщина сплошная, как у наших декадентов до революции.

АЛЁША. Это же мамины книги! И аморальщину она не читала никогда в жизни. И не одобряла, сам знаешь. Темы там затрагиваются сложные, это правда.

РЫСНЁВ. Читал я кое-что из них. В отличие от тебя, исключительно на русском. И видел одни гадости. Имеют различные люди дело с женщиной. И под ноги её себе! Зато актёрские жесты гонят...

АЛЁША. Раскрой, пожалуйста, намёк, Виктор свет Максимович.

РЫСНЁВ. Ты над Женькой Ракитиной ещё долго думаешь измываться? Она к тебе по-честному и с душой. А ты ведёшь себя с ней как барин с секретаршей. Я из-за тебя её отцу с матерью в глаза не могу глядеть! Хоть во дворе, хоть на заводе... И Оле тоже очень неудобно.

Случайно задевает взглядом фотографию ВЕРХОВЦЕВОЙ. Молчит.

АЛЁША. Женю я провожал сейчас. Говорили мы с ней. Я, наверное, её не стою. Но она мне – друг. Лучший, чем любой парень. Прошу поверить.

РЫСНЁВ. Дворянская спесь всё-таки у тебя нечаянно нагрнет. Когда её совсем не ждёшь.

АЛЁША (*встаёт. Ледяным тоном. Корректно.*). Во-первых, товарищ Рыснёв, я коммунист, как и ты. Пусть я пока только в комсомоле. Во-вторых, я советский человек. Но благодарю, что ты не вспомнил мою бабушку. По линии мамы.

РЫСНЁВ. Это ты, которая прибалтийская баронесса?

АЛЁША. И естественно, что немка... Умерла почти сорок лет назад. Я её только по фотографиям знаю.

А попробуй расскажи о ней... И вся любовь ко мне может исчезнуть! Даже несмотря на имя отца...

РЫСНЁВ. Ты не равняй. Детям врагов народа, понятно, не отмыться... Но если просто из «бывших»... Тут есть претензии к старшему поколению. А молодёжь... Вливайся в состав трудящихся масс, работай честно и ударно! Тогда и для ВУЗа можешь стать достойным. Но за разговорами следи. А то вменяют антисоветскую агитацию – и сам понимаешь...

АЛЁША. Мы, Витя, действительно разговорились на ночь глядя. Но затеял эту беседу не я, а ты. Лучше бы мы боксировали почаще.

РЫСНЁВ. Просто воспитательная работа с тобой не мешает. Восемнадцать лет тебе стукнуло – так чувства твои особо подлежат дрессировке. А если война?! Ты эмоции в кулак собрать сумеешь? Я сомневаюсь.

АЛЁША. Искеровы четыреста лет ходили под сабли и пу-

ли. А я ещё и советскую Родину защищать буду! Так что можешь не волноваться.

РЫСНЁВ (*хмыкнув*). Из Золотой Орды твой род когда-то удачно вышел. Но ты всё-таки наведи порядок на личном фронте. Конечно, сам решай... (*Вдруг.*) Мне и на работе дел хватает.

АЛЁША. Я-то за собой поспежу. И чутко... Спокойной ночи, товарищ инженер.

РЫСНЁВ. Спокойной ночи, товарищ будущий историк. (*Уходит.*)

Звучит романс Бориса Фомина «Всё впереди».

ГОЛОС ИЗАБЕЛЛЫ ЮРЬЕВОЙ.

Брось недобрые тёмные думы,
На меня без укора гляди.
Расставаясь, не будем угрюмы.
Что бы ни было, всё впереди.
Не хочу я, чтоб новая складка
Возле губ твоих милых легла,
Чтоб ночами бродил ты украдкой
У обжитого сердцем угла.
«Всё проходит», – твердил ты, бывало.
Так не думай сегодня о том,
Как тебя я вчера провожала
Со слезами о счастье былом.

Действие четвертое

Сцена 13

Весна 1946 года.

Комната в коммунальной квартире, где живут ЛИТЕЕВЫ. Обстановка у них опрятная, но небогатая.

ДИМКА сидит на диване. Рядом с ним – АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ИСКЕРОВ в военной форме без знаков различия и в сапогах, начищенных до блеска. В свои 23 года он выглядит повидавшим непростые виды. Подтянут и собран. ЛИТЕЕВА накрывает стол к чаю. Одета скромно. Привлекательна и уверена в себе.

ДИМКА. А можно, я пойду к Рите? Она болеет и скучает. А мама у неё ушла. Ненадолго, наверное.

ИСКЕРОВ. Больных навещать надо. Тем более если это девочки.

ДИМКА (соскользнув с дивана). Тогда я к ней пойду. Мама, можно?

ЛИТЕЕВА. Иди.

ДИМКА. Спасибо.

(Уходит.)

ЛИТЕЕВА. Ну... Прошу к столу, гость дорогой.

ИСКЕРОВ *(пересев, показывает на диван)*. Прими, Вера Александровна, тот свёрток. Там для Димки. Это ему понадобится.

ЛИТЕЕВА *(берёт указанный предмет. Разворачивает. Не сразу)*. Где и как ты это достал, я на всякий случай не спрашиваю.

ИСКЕРОВ. Мною закон не нарушен. Человек, который мне помог, тоже никого не обездолил. Ни формально, ни реально. Прочее неважно.

ЛИТЕЕВА *(заворачивает свёрток и убирает его в буфет)*. Самому, извини, надеть нечего, а на других тратишься.

ИСКЕРОВ. Дело идёт о ребёнке. Мои же заработки после учёбы не расходятся с законом. Много получать в его рамках выйдет нескоро. Кстати, тут тебе ещё довод в пользу моего предложения. Семье легче нести расходы. Вот настолько я меркантилен и неромантичен.

ЛИТЕЕВА. Да уж, друг Алексей Николаевич... Увяли грёзы, засохли розы.

Садится к столу, напротив собеседника. Чаепитие у них не идёт, в отличие от разговора.

ИСКЕРОВ. У нас в училище к розам и грёзам ребята подбирали темы в ярком казарменном стиле. Понятная реакция на графоманию и банальщину...

ЛИТЕЕВА. Ну а... потом?

Пауза.

ИСКЕРОВ (*очень негромко*). Потом, как известно, – фронт. Кому смерть, кому жизнь... Но я сейчас о другом... (*Через паузу.*) С женщиной я спал, когда мне было шестнадцать лет. Она была старше меня, зато красива, умна и обаятельна. Умерла до войны.

С Женей Ракитиной я лишь дружил. К её замужеству отнёсся спокойно. Тем более Георгий – хороший парень. Поздравил их обоих. Иногда обедаю у них. Вам я завидовал. Думал, удастся ли мне создать такую семью, как вы, Литеевы... Одно увлечение на войне не в счёт. Вернее, в госпитале... Она веселить людей умела. А это, сама знаешь, ценится дорого. Я и оттаял... Не сложилось... Но расстались без претензий. Тебе я сейчас рассказал обо всём этом, чтобы ты знала: секретов держать не буду. Ни в чём.

ЛИТЕЕВА. Я, кажется, догадываюсь, кто была твоя самая первая.

ИСКЕРОВ. Полное признание звучало бы как глупая выдумка.

ЛИТЕЕВА. Интереснее всего... Я не удивилась тому, что сейчас слышала. Я ведь думала, что у тебя в жизни случилось нечто неординарное. Что меня удивило сильнее – это история Любы Маргулис. Первый брак в вашем классе, и чуть ли не в стенах школы. И главное, Люба... С её-то выдержкой!

ИСКЕРОВ. Ну, родители Кости поженились, когда им было по девятнадцать. И уж лучше ранние браки, чем галоп по постелям. Были бы они только прочными. А Люба росла без родителей, как и я. Видимо, решила быстро создать семью.

ЛИТЕЕВА. Задача была, конечно... Хотя при её железной воле... Сам знаешь, как она дедом командует! Хорошо, что портняжить на дому прямо не запретила. Раз уж, говорит, по-другому людям не помочь... Только не ставь на постоянную коммерческую основу.

ИСКЕРОВ. Ну да... Внимание обратит и власть, и ещё кое-кто.

ЛИТЕЕВА. Как они прошлые годы пережили?... Правда, я Димку сберегла! В тех же, в блокадных-то условиях...

ИСКЕРОВ. С Лазарем Соломоновичем Костя сразу нашёл общий язык. Вообще он... Людей всегда щадил, даром что через эти шуточки... А себя – нет. О его подвиге и гибели... Помнишь, газеты трубили? (*Не сразу.*) Я вот выжил после такой раны. А когда медкомиссия сжалилась и меня демо-

билизовали, я ведь огорчился... Гитлеру голову вот-вот оторвут. Мечта всей жизни сбывается, а я? Но... вернулся, дела устроил... Чувства в прошлом. Они отгорели. А у тебя точно так же. Между тем жить надо. Друг друга мы, кажется, поняли. Что, если попробуем именно... Именно...

ЛИТЕЕВА (*перебивает*). Брак по расчёту? ИСКЕРОВ. На рациональной основе. Это звучит уместнее. А ещё есть Димка. Сын погибшего фронтовика и блокадный ребёнок... Ты видишь, что значит его судьба для меня. Не меньше, чем твоя, например. (*Через паузу.*) Вера, так как? Решаемся?

ЛИТЕЕВА. Я всё-таки старше тебя.

ИСКЕРОВ. Всего на шесть лет, прости за бестактность. Ну и что? И... однажды я это уже слышал. Только от другой.

ДИМКА (*входит*). Мама, Рита мне порадовалась. И мама её пришла. Поэтому я ушёл. А дядя Алёша – уже мой папа?

Пауза.

ИСКЕРОВ. Разбираемся, товарищ.

ДИМКА. А как?

ИСКЕРОВ. Подойди сюда.

ДИМКА подходит к ИСКЕРОВУ. Тот обнимает его за плечи. Ещё пауза.

ЛИТЕЕВА. Там, в шкафу, хороший костюм сохранился.

Сходим к Маргулисам – Лазарь Соломонович тебе его подгонит по фигуре. Это для ЗАГСа. И все свои награды наденешь. Ясно, товарищ старший лейтенант?

Встаёт. Подходит к ИСКЕРОВУ и ДИМКЕ. Кладёт им обоим руки на плечи. Немая сцена.

ГОЛОС ИЗАБЕЛЛЫ ЮРЬЕВОЙ.

Всё пройдёт. Что прошло – не вернётся.
И разлуки приходит пора.
Может, завтра тебе улыбнётся
То, что горем казалось вчера.
Отгони же ненужные думы,
По-хорошему, милый, гляди.
Расставаясь, не будем угрюмы.
Что бы ни было – всё впереди.

Сцена 14

Осень 1990 года.

Ленинградская улица. Застройка позднесоветская, типовая. Идут ИСКЕРОВ и ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА.

ИСКЕРОВ. А знаешь, Женечка... Тогда, в сорок пятом, в сорок шестом, я так и не понял, как отношусь к Вере. Наверное, пожалел её. И главное – Димка... Я на войне привык к горю. Но видел его – сразу ком в горле. А поговоришь с ним... Скажет он что-нибудь пустяковое – и мне легче на душе.

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Просто ты встретил счастье, которого не знал. Ждала тебя прочная опора. Что созидать – тоже нашлось.

ИСКЕРОВ. Кроме Веры, мне не понадобилась никакая другая... Конечно, Димка не Искеров по крови. Но... Когда у нас с Верой родился Саша...

Как думаешь? Разницу между ребятами я поддерживал? Пусть неосознанно.

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Если тебе это важно... Я ничего подобного не видела.

ИСКЕРОВ. А я следил. Чтобы они знали: ко мне можно и с радостью, и с горем, и за советом... Обычные дела. Несколько лекций. Деликатная коллизия на кафедре. Сравнительно лёгкий разговор в парткоме... На руках – статья со сложным сюжетом. Очки у меня на носу от усиленных забот появились. А я приходил домой и обсуждал с Димкой или с Сашей, что в их жизни умно и как не надо. И открывалось второе дыхание. Да ты знаешь, как это было.

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Ты их растил людьми. При этом

на ноги встали они оба. И внуки у тебя, по-моему, не хуже моей Ани.

ИСКЕРОВ. Согласен. И внук Литеев, и внуки Искеровы. По мне, так неплохо они мыслят и чувствуют. Значит, не пропадут. Ну, даже дурит один из Искеровых. Со своим мотоциклетом. И то меру знает! Мой прадед юным гусаром тоже дурил будь здоров. Ничего... Дослужился до генерал-лейтенанта.

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Со страстями надо уметь справляться...

ИСКЕРОВ. Хотя лучше не вспоминать, как я это делал в их годы... Перед тобой я виноват. Слишком долго был тюленем.

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Чем же ты виноват? Что любил сильно и забыть не мог?

ИСКЕРОВ. Георгий был человечнее меня. Тебя жалел сильнее.

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Сколько же времени ты это перебираешь? Всю жизнь...

ИСКЕРОВ. Да, теперь уже точно всю оставшуюся.

Сцена 15

Впереди ИСКЕРОВА И ЕВГЕНИИ СЕРГЕЕВНЫИ возникает

юная пара. ДЕВУШКА лет 16, одетая не очень вульгарно. Рядом с ней – сухощавый и крепкий МАЛЬЧИК 14 лет.

МАЛЬЧИК. А с твоим ты уже спала?

ДЕВУШКА. Так куда мне от него? Мама морали не читает. И вообще ничего не говорит. Значит, некуда. В проститутки? Там «венеру» со СПИДом получишь – и всё.

МАЛЬЧИК. Валюта, однако. Если в отели устроиться...

ДЕВУШКА. Рэкет обдерёт. Да и менты с гебешниками стучать заставят. Мне это надо?

МАЛЬЧИК. Жалко, твой тоже малолетка. А то ты его.... За растление. Могла бы. Шантаж был бы крутой. А я типа свидетель.

ДЕВУШКА. Чтобы его пацаны нас порвали? Это если вообще на него наехать....

МАЛЬЧИК. А я его могу порвать.

ДЕВУШКА *(немой вопрос)*.

МАЛЬЧИК. В темноте подойду тихо. Когда он будет один. Плюс примет чего. И ножом сделаю. Или заточкой. Типа по анатомии один удар. Скажи только...

ДЕВУШКА. А потом менты тебя найдут очень быстро.

МАЛЬЧИК. Да вообще-то... Этот детский инспектор наш...

ДЕВУШКА. Подожди годик. И моего потерпи. Вообще на секс гляди спокойнее. Куда девкам деваться? И чего от них каждый потребует? Включи реализм. Не ревнуй. А там ре-

шим. Летом можно и на пляже уединиться. Ты на Крестовском острове купался когда-нибудь?

Вдруг осознаёт, что её и собеседника слышат ИСКЕРОВ и ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Довольно быстро увлекает МАЛЬЧИКА вперёд.

Сцена 16

ИСКЕРОВ. Что скажешь, товарищ школьный педагог?

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Чем они наивнее, тем их дела страшнее.

ИСКЕРОВ. Да... Но не вини себя. Лично мы с тобой на произвол жизни никогда бы их не бросили. И знаешь... Я ведь буду вот таких жалеть. Даже если меня стукнут по голове. Они... Ведают, что творят? Я в их возрасте влез в историю пострашнее. И тоже знал только свою страсть. Лишь теперь полностью вижу, по какому краю гулял. Когда меня на фронте в партию принимали, я счёл, что удостоен доверия. А ведь мне позволили тихо жить. Или геройски погибнуть... По обстоятельствам.

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Считаешь, что тебя контролировали?

ИСКЕРОВ. Фамилия обо мне напоминала. Но... Какой

им от меня был прок? В своего превратить? А если я что-то выкину? В лагерь упечь? Так ведь обошлось.

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Видимо, ты сделал всё, чтобы о тебе там не помнили.

ИСКЕРОВ. Согласись, у них и без меня хватало объектов... Ладно, не будем. А то сейчас, кажется, ещё и валидол в дефиците. Сердце что-то в последнее время... Видимо, ноет из-за того, что год на календаре 90-й. Жизнь не легче, чем была. А что-то исправить... Нам просто возраст не позволит. Равно как и здоровье.

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Скажи лучше, как всё-таки твои научные достижения.

ИСКЕРОВ. Мои последние труды стали известны на Западе. «Иллюзии, прогресс и инерция» – раз. «Упадок элиты и настроение общества» – два. Это вдобавок к тому, как их у нас обсуждают. Зять недавно позвонил и сказал, что я его вновь о многом заставил думать. После того, что я писал о петровской эпохе и о XVII веке.

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. А... Ты мемуары писать не решил?

ИСКЕРОВ. С какого эпизода мне их... продолжать?

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Хотя да...

ИСКЕРОВ. Представь себе заголовки в органах печати. «Красный треугольник: Лаврентий Берия,

Надежда Верховцева, подросток из Ленинграда. Тайна жизни гениального историка Искерова». Или: «Секретные

нравы сталинской эпохи. Как кинодива сделала любовником юного мальчика». (*Через паузу. Тихо и твёрдо.*) Так вот это уйдёт со мной в могилу. Даже дети и внуки не узнают. Дело чести.

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Жалеешь ты всё-таки людей, Алёша...

ИСКЕРОВ. Я этому и у тебя учился... Знаешь? Приезжай к нам вместе с Любой. На днях, как выйдет. Все вместе, и Вера, посидим. Хотя бы... Козина послушаем. Если мои внуки слушают его и Лидию Русланову вдобавок к рок-музыке, это что-нибудь да значит!

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА. Договоримся. Спасибо, что проводил.

ИСКЕРОВ. Как старый друг.

Сцена 17

Полумрак. При большом количестве людей в могилу, вырытую в снежной земле, опускают гроб.

Звучит Adagio lamentoso из Шестой симфонии Чайковского. Под него —

МУЖСКОЙ ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. Доктор исторических наук, профессор Алексей Николаевич Искеров умер от раз-

рыва сердца в Санкт-Петербурге 3 января 1994 года, не дожив нескольких недель до своего 71-го дня рождения. Его роль в науке бесспорна. Помимо достижений при изучении русской истории, Искеров оказал влияние на социологию и политологию. Воспоминаний он не оставил.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. Провожали родные, друзья, ученики, коллеги. Две старушки смотрели, как гроб уходит в землю. И вспоминали, как когда-то давно в жизнь двух девочек вошёл немного загадочный подросток.

Музыка усиливается.

КОНЕЦ.

18.02. — 11.06.2020

08.11. – 29.12.2021.

Тевлик Субботовский

Сюита из литературных парафразов и серьёзных вещей

I. Легенда о Тевлике Субботовском и Александре Блоке

Весенним вечером 190... года Тевлик Субботовский встретил у себя на Лахтинской улице поэта Александра Блока, жившего в доме по соседству. Поскольку родителям Тевлика срочно понадобилось купить что-то в лавочке на Большом проспекте, а отец при этом не мог оторваться тоже от какого-то срочного дела, ничего удивительного, что энергичный ребёнок оказался на улице в столь поздний час. (Не маму же выгонять из небогатого семейного круга за покупкой!)

В свою очередь, поэт Александр Блок весь вечер осмыслил принципы мироздания в узком кругу друзей и коллег. Так как мысли у Блока легче кружились при содействии красного вина, ничего удивительного, что, когда он слезал с извозчика, из кармана пальто выпала рукопись одного из бесценных шедевров поэта. (Последнее, впрочем, установи-

лось позднее.)

Извозчик отъехал, а Блок, не обращая внимания на утрату собственного автографа, тихо пошёл домой, где его, согласитесь, уже несколько заждалась Любовь Дмитриевна.

Но Тевлик Субботовский был не только наблюдательным, а ещё и сознательным мальчиком. Сорок с лишним лет спустя его даже можно было бы назвать тимуровцем. Поэтому Тевлик связал факт внезапного обнаружения рукописи с личностью уходящего и подвыпившего поэта. Он поднял автограф, догнал Блока, извинился, вернул ему бесценный шедевр и даже довёл автора до подъезда.

Потом Блок поднялся в свою квартиру, а Тевлик побежал по своим делам и даже вовремя вернулся домой с покупками.

Так что помните, дамы, господа и дети обоего пола, какие события иногда влияют на развитие великой литературы!

А ведь Тевлику Субботовскому очень долго даже не приходило в голову, что за подвиг он совершил с точки зрения культуры!

03.08.2017

II. Речь в защиту творческого наследия И. С. Тургенева,

произнесённая с воспоминаниями о личности Тевлика Субботовского

1

Милостивые государыни и милостивые государи!

Оглядываясь, так сказать, на прошедшие эпохи русской культурной жизни и выделяя среди них советский период, я могу сказать, что освоение бесценного наследия Ивана Сергеевича Тургенева, производимое в рамках школьных программ, сыграло с нашим обществом дурную шутку.

Проходя «Бежин луг», «Муму», роман «Отцы и дети», а также всё, что там ещё полагалось проходить, наши школьники оставались заложниками инфантильного подхода к действительности. Это выражалось в том, что они полагали: если училка навязывает что-то из-под палки, ни уму, ни сердцу это «что-то» не скажет. И душевно осваивать широкий контекст творчества Тургенева совершенно незачем.

Не буду спорить с застарелым чувством человеческого протеста. Предложу уважаемой мною аудитории лишь оценить, как именно ранним летом 190... года воспринимал прозу Тургенева всё тот же Тевлик Субботовский с Лахтинской улицы.

2

Я готов мысленно перенестись на верхний этаж ещё довольно нового тогда дома, в коем семья Тевлика Субботовского нанимала квартиру.

Люди были не самые богатые. Что же удивительного, что, живя в Петербурге, они селились где повыше?.. Так вот. На дворе – белая ночь. В каморке Тевлика – полумрак. На тумбочке перед его узкой спартанской кроватью свеча горит. Да, чуть не забыл: штора полузадёрнута, а окно полуоткрыто. Ветра нет.

Лично Тевлик Субботовский не лежит, а сидит на кровати, вплотную пригнувшись к свечке. Его босые ступни касаются пола. Видимо, из-за некоторой духоты он обходится без ночной рубашки. Ноги и бёдра просто обёрнуты одеялом, торс обнажён. Смуглое лицо, увенчанное коротко стриженными чёрными волосами, склонено над книгой, лежащей на тумбочке рядом со свечечкой.

Все эти детали, милостивые государыни и государи, важны нам на предмет создания полноценного эффекта жанровой сцены...

Ассоциации можете установить сами... Если же аудитория считает, что означенный эффект недостаточно сильно проведён, мы добавим, что чёрные глаза Тевлика очень даже внимательно бегают по строчкам.

«Между тем в нём не было ни той таинственности, которою щеголяют юноши, одарённые самолюбием, бледностью, чёрными волосами и “выразительным” взглядом, ни того поддельного равнодушия, под которым будто бы скрываются громадные силы; нет: он весь был, как говорится, нараспашку; но когда им овладевала страсть, во всём существе его внезапно проявлялась порывистая, стремительная деятельность; только он не тратил свои силы по-пустому и никогда, ни в каком случае не становился на ходули».

Прочтя вот это, Тевлик Субботовский, видите ли, оторвался от книги. Судя по выражению лица этого умного подростка, ему сейчас понадобилось решить какую-то задачу не проще математической.

Эрудированному человеку должно быть ясно, что Тевлику попала в руки повесть Тургенева «Андрей Колосов». Пренебрежём необходимостью указывать на дальнейший текст и связанные с ним реакции юного читателя. Скажем только, что по мере приближения к финалу степень озадаченности Тевлика пропорционально увеличивалась.

«Господа, я думаю, вы, как все порядочные люди, были влюблены хоть раз в течение своей жизни и на собственном опыте узнали, каким образом зарождается и развивается любовь в человеческом сердце; а потому я не стану слишком распространяться о том, что происходило во мне тогда».

Вот на этом месте лицо Тевлика Субботовского, смело можно сказать, застыло. Даже окаменело. Он даже как будто был в целом мире только вдвоём с повестью. Но ведь из людей в комнате и не было никого, а папа с мамой спали за стеной. Смело можно было воспринимать одного лишь Тургенева.

Ещё прошло время... И ещё!

«Вы мне скажете: “Что ж тут удивительного? ваш Колосов полюбил девушку, потом разлюбил и бросил её... Да это случалось со всеми...” Согласен; но кто из нас умел вовремя расстаться со своим прошедшим? Кто, скажите, кто не боится упрёков, не говорю упрёков женщины... упрёков первого глупца? Кто из нас не поддавался желанию то щегольнуть великодушием, то себялюбиво поиграть с другим, преданным сердцем?»

Излишне указывать, что, дочитав повесть до конца, Тевлик уже с трудом сдерживал свои эмоции. На его лице внимание к книге дополнилось растерянностью и одновременно чувством чего-то очень тягостного. Тевлик закрыл книгу, отложил её. Посидел, разогнувшись. Видимо, от своей позы подросток немного устал. Но он пробовал собрать свои впе-

чатления, и это ему плохо удавалось.

Напольные часы за стеной тикали. Тевлик как будто ото-звался на их звук сквозь потоки своих мыслей. Вернулся в реальный мир.

Это выразилось в том, что он задул свечку. Потом поднял ноги на постель, вытянулся на ней. И повернулся лицом к стене.

Может быть, он вспомнил, что вставать придётся рано?

3

Утром, после завтрака Тевлик Субботовский стоял перед столом, за которым сидел его отец. Человек это был уже немолодой, с довольно жёстким и напряжённым взглядом. К тому же носил очки. Но по мере того, как отец просматривал бумаги и щёлкал на счётах, лицо его светлело. И взгляд смягчался.

– Ты можешь служить счетоводом, – сказал отец. – Если со мной что-нибудь случится, хорошая арифметика сделает тебе тонкий кусок хлеба. Потом ты будешь смотреть, как можно подняться по жизни и похожа ли она на лестницу.

– Я всему классу делаю шпаргалы по математике, – ото-звался Тевлик. – Вы же знаете. И никто не заявлял претензий.

– А плату ты со всех берёшь?

– Нет. Кое-кому я просто по дружбе помогаю. Но они этого не выдают.

– Значит, ты умный человек и правильно ведёшь себя с людьми. Есть клиенты, и есть друзья. С друзьями денег брать не надо, просто надо помогать им за взаимную поддержку. Но плохо, когда друзья и клиенты в одних стенах. Кстати, вот хорошо, что ты мне напомнил. Скоро надо будет у тебя директора и инспектора подмазывать. Если они тебя из процентной нормы уберут, это же горе для учащегося еврея!

– Я ни на одном экзамене не провалюсь.

– А креститься ты не думаешь? Вот из нормы без взятки и выпрут. И провалить они тоже могут. Не забывай!

– Дедушка даже в кантонистах веру не менял. Вы же рассказывали.

– Вот за твёрдость его и уважали. Даже антисемиты. Православные тоже свою веру очень сильно берегают. Они могли понять и твоего деда. Но с людьми всё равно ладить надо. А теперь особенно.

– Это потому, что реакция?

– Революция была не лучше. Во-первых, она прогорела, из-за чего разные люди обозлились. А погромы и при ней были. Сейчас, по крайней мере, всё тихо... А ты опять читал целую ночь?

Последний вопрос прозвучал резко и неожиданно. Тевлик даже смешался.

– Но он совсем не бережёт глаза! – Отец сделал обеими руками какой-то резкий жест. – Слушайте, евреи и христиане! Этот бохур опять читал а ганце нахт! Он хоть понимает, что его глаза будут его кормить, как бурлаков в революцию таки не кормит родная зелёная дубина?!

Отец даже хотел вскочить со стула. Но сдержался.

– Это был Иван Сергеевич Тургенев, – тихо ответил Тевлик. – А вы, папаша, сами говорили, что надо читать всё лучшее в русской литературе. Я и нашёл время.

– Ночью надо спать. Это дело аристократов и богатых бездельников – не спать, а развлекаться ночью. Сейчас ты уйдёшь куда-то?

– Я договорился погулять.

– И с кем?

– С Колей Лутониным.

– Он, кстати, всё пытается отдать мне деньги за те ночлеги и пропитание. Я не беру. И ты чтоб не брал!

– Что вы, папаша, он же друг!

– Тем более не бери. Кстати, его доходы мне плохо нравятся.

– Чем? Он же слуга в приличном доме.

– Между прочим, он служит барыне, да ещё вдове. И слугам, да ещё таким, как мальчик-бой, платят меньше, чем ему. Тут что-то не то. Но я таки не имею права порочить парня, да ещё круглого сироту. Хорошо... В шестом часу я жду тебя в мастерской. Опять будешь считать. А от этого Грин-

берга лучше не ждать ничего совсем точного. Но ведь очень большой заказ. Если справимся в срок и клиент быстро рассчитается, можешь с мамой поехать на дачу в тихое и приличное место. Я даже имею в виду куда. Остальное пушу на жизнь и на взятки... А сейчас возьми пирожков, чтоб не бегать по этим лавкам! Таки учись экономить, но друзья всё равно должны любить тебя за расходы!.. Ну иди, Тевье...

4

Нам ещё предстоит выяснить, исчез ли в течение этого дня Тургенев на второй план. А Коля Лутонин, о котором шла речь, теперь ждал Тевлика Субботовского всё на той же Лахтинской улице, близ выхода на Большой проспект.

– Здравствуй, Коля.

– О... Здорово, Толяка!..

Коле можно было дать уже лет шестнадцать. Если и поменьше, то очень ненамного. По одежде его действительно явствовало, что он служит, и у приличных хозяев. И если парень даже подголаживал когда-то, теперь он, во всяком случае, откормился. Очень крепкий, русоголовый, с правильными и тонкими чертами лица, Коля производил симпатичное впечатление. Вот только глаза... Тевлику казалось, что его друг их позаимствовал у взрослого мужчины, да ещё про-

шедшего через что-нибудь вроде тюрьмы... Мрачный, твёрдый и умный взгляд как будто даже перестал делать юным лицо Коли Лутонина.

– Ну, чего добыл?

– Я взял пирожков дома. Думаю, на день нам хватит. Вот только с напитками не вышло.

– Не беда. Запьем чем-нибудь. А может, ещё и жрать не очень захотим. Я у этой моей курвы как у Чванова или у Донона, ты же знаешь. Лопай – не хочу.

– А куда мы всё-таки?

– На взморье. Есть там местечко. Тихо, купайся целый день. И одежду воровать не будут.

– Только это не очень далеко? Меня отец сразу после пяти в мастерской будет ждать.

– Не бойсь. Только пойдём сейчас быстрым шагом.

Ребята двинулись. Вышли на Большой проспект. Пошли куда-то в сторону реки Ждановки.

– Коля, а хозяйка тебя не хватится? – спросил Тевлик.

– Да она... Спасибо, если к трём продрыхнется! Вчера вот хорошо – быстро напилась и заснула рано. Я хоть выспался без этого... А то ванны меня заставляет брать вместе с собой! Это, говорит, волшебные оргии, как в Древнем Риме... А Степановна, ну кухарка, я тебе о ней рассказывал... Так она скажет, что услала меня в дамский магазин. Ну, это правда – я туда заскочил и попросил не торопить со счетами. Недовольные они, конечно. Но в хорошем тоне.

– Что, уже долги делает?

– Все бы так мотали... Нет, нам-то со Степановной что...

Мы на расходы возьмём, зайкнёмся, что придётся подороже. А она: «Тратьте, сколько хотите, я сегодня безотчётна и холодна! И вообще, для моего милого, хорошего мальчика я и с деньгами расстанусь». Так что приварок нам обоим. Это к жалованью.

– А... мужчины рядом не появляются?

– Из-за этого и деньги коплю. Вот найдёт себе нового мужа. Или любовника со средствами. А я на улицу ступай. Прямо как в романе этом... «Мелкий бес». Ты читал его вроде?

– Мы тебя снова примем. Отец не бросит.

– А потом? В нахлебники опять? В мастерскую он меня не возьмёт – говорил же, пальцы не для иглы. И на завод не устраюсь – там за слово поперёк знаешь, как сейчас вылетают?.. Не воровать же идти! Хотя ребята предлагали.

– А земляки тебе что же? Неужели не помогут?

– Отца-то помнят. А в промысел могут и не устроить. Родне дорогу торит каждый.

Помолчали...

– Я вот думаю, – протянул Коля. – Денег выдою чуток побольше и смогаюсь от этой декадентки. К себе. Туда. Там дядька мой на отруб вышел по реформе, ну, и хозяйство обустроивает. Но ему подавай не рот, а руки. А в руках будут деньги. Договорюсь – по-хорошему примет. И развернёмся. Со ссудой дядька связываться не хочет. А тут поднимемся.

У меня тем более городское училище... хоть и учился я в нём мало. А на деревне грамота очень котируется. И сыграть можно.

Иностранные слова Коля произносил легко. И с каким-то особенно жёстким вкусом.

Неизвестно, что бы ответил Тевлик. Но за спинами ребят раздался учтивый девичий голос:

– Коля? Здравствуйте! Толя, и вы тоже здесь!

Ребята живо обернулись. И ответили почти дуэтом:

– Доброе утро, Катя!

– Ну, уж не совсем утро...

– Да всё равно! – Тевлик даже не понял, вырвалась эта реплика у него или у Коли.

Самое интересное... Катя, эта гимназисточка, держалась очень дружелюбно. Но всё равно... Может быть, от кого-то из своих предков она переняла манеру...

5

...Держаться так, что всё вокруг как бы отскакивает от тебя! Вам, дамы и господа, эта манера знакома? Ну хоть описания её читали?!

А вот девочка в шестнадцать неполных лет её выдерживала! Да ещё так, что дворовые ребята, чего доброго, поползли

бы за ней куда-нибудь на коленях!

Во всяком случае, Коля Лутонин сделал предельно вежливое лицо.

А Тевлик Субботовский смотрел на Катю так, будто бы она сейчас сообщила ему новый смысл жизни, сама того не понимая.

– Я очень рада вас обоих видеть. Скоро мой день рождения, и я ещё сильнее рада пригласить вас, Толя. И вас, Коля, конечно, тоже... Пожалуйста, не подозревайте, у мамы ведь никаких предрассудков нет. Даже когда мы имением владели, у неё их не было! А уж тем более сейчас! Зоя у нас вообще теперь на курсах и передовая, не глядя ни на что! Пожалуйста, приходите оба и ничего не стесняйтесь!

– Катя... Безусловное спасибо... Только я бы не хотел вам указывать на мою нелёгкую службу... Я не смею с этой целью обращать к себе ваше благосклонное внимание!

– Коля... Поверьте, что не надо говорить красиво! Вас и без речей можно уважать! Я жду вас, в какой бы блузе вы ни пришли, простите меня! Мы все будем рады!.. Толя, а вы могли бы сделать для меня одно маленькое задание?

Пауза, очевидно, заполненная мимикой двух лиц... А может быть, и всех трёх.

– Толя... Поверьте, я никогда не прошу у людей ничего лишнего. Помните, как вы на прошлом моём рождении декламировали?.. Ну, Лермонтов, Минский, Брюсов... Поверьте, я не забыла! У вас же память – дай Бог каждому!

– Катя... Я же просто специально разучил! Много их было, этих стихов? Ведь нет!

Судя по этим репликам, Коля и Тевлик почему-то ненадолго забыли друг о друге. А вот о Кате думали они оба.

– А я вам теперь новое задание сделаю! (Господи, как живо и весело прозвучала вот эта фраза!) А вы, пожалуй, и выполните для меня! Вы помните, у нас по соседству недолго жил поэт, Александр Александрович Блок? Кто-то только и знает, что он женат на дочке профессора Менделеева! А ведь он может вострепенуть Россию и нас с вами не хуже, чем Некрасов когда-то...

– Так Россия уже вострепенулась. Только кончилось всё, как всегда!

– Коля, простите ещё раз, я понимаю, что сейчас трудно не быть пессимистом. Но если бы вы знали, как Блок верит, что можно пройти сквозь любое несчастье... Он это видит. Он это чувствует!

– Особенно если есть кому поддержать...

– Толя, так поэтов и надо поддерживать! всю жизнь! Это лишь Виктор Гюго поддерживал всю жизнь сам себя! А Огарёва держал Герцен! А Гейне и Пушкин лишились передовой поддержки. И как же они плохо стали писать о людях! По-моему, это высшая форма человеческой дружбы – поддерживать гения. Увидит он, как люди его и друг друга выручают, – тогда и хорошие стихи обо всех напишет! По-моему, ради этого надо жить!

Очень длительная пауза. И самое интересное – не сценическая.

– Послушайте, Толя, мы сделаем... Вы мне, когда вам удобно, положите записку под дверь. Не позже завтрашнего вечера. Только напишите, когда появитесь на улице. Этот срок вы оговорите на послезавтра. Согласитесь, потом уже будет поздно. А так я вам быстро вынесу Блока. Вы прочтёте, выберете, подготовитесь... Поверьте, вам от этих стихов будет хорошо, как от музыки!..

– Музыка тоже различная бывает.

– Толя... Но ведь можно осознать, что это – ваша музыка. И что бы с вами потом ни стало... А вдруг она вам поможет? И силы укрепит?

– *(После паузы.)* Катя, нам сейчас торопиться надо. Вы, может, простите?..

– Да-да, я понимаю... Но на моём рождении вы оба у нас – желанные гости! Пожалуйста, Толя, Коля... До свидания!

6

Что же, расстались три умных подростка... Катя в конце концов свернула с Большого на Лахтинскую. А ребята оказались не на Ждановке, а в каких-то мелких улочках, где они, однако же, довольно хорошо ориентировались. Возможно,

Колю и Тевлика интересовали максимально быстрые выходы к той же Ждановке и на Крестовский остров.

Но тут мы не будем градофантазировать.

Шли ребята быстро. Думаю, что это отвлекало их от потребности высказаться. Наконец остановились. Перевели дух. И вот тогда Коля произнёс очень длинный монолог, в составе которого всё же присутствовало пять или шесть цензурных слов.

– Коля, – заметил Тевлик, ознакомившись с содержанием услышанного. – Коля, я уже почти три года как совершеннолетний. По нашим обычаям. У нас это называется «бармицва», я тебе рассказывал.

– Моего деда тоже в четырнадцать лет женили. При крепостном праве. Только не на барышне. Но то – семья. А я с развратной... Скажешь, альфонсом при ней хорошо быть?

Тут Коля уточнил в форме риторического вопроса, какой именно частью тела он, по существу, зарабатывает себе на жизнь.

– Или, думаешь, я на такую барышню грязное ведро смогу вылить? Да я, когда её вижу, обо всех классовых различиях забываю! Только для матушки её я всё одно буду нищим и слугой, какие б деньги ни получил... А она вот воздушная. Как только в погань будет окунаться? Но я её туда загонять не стану – не такой я человек!

– Так у неё смелость есть. А тебе она, по-моему, обязана блаженством!

– Чего?

– Это у Тургенева так называется. Я читал. Сейчас вот, ночью... Знаешь, она понимает, какой ты стойкий и что выдержал. От этого и чувствует блаженство. Что ты сильный, несмотря на несчастья.

– А как дама мне платит? Этого же ни одна барышня парню не простит! Слушай... Может, она вообще тебя полюбит? За стихи, конечно... А там... Потом... На ноги встанете – так и пожениться сможете. Потом, конечно.

– Это ты загнул...

– А чего? Вон Витте на еврейке женат. На крещёной, конечно. А ты не знаешь? Так эти суки великосветские к ним на любые приёмы бегают! Если денежки и влияние есть, ведь наплюют. А черносотенцы, дураки, будут думать обратное! Ну, глупым так и надо!

– Коля...

– Ну чего «Коля»? Катерине поэзия нужна, а я не Фёдор Сологуб!

– Ей поэзия нужна, чтобы по земле весело ходить!

– А я ей тут мешаю? Ты вот чего... О подарках ведь надо думать. Я тебе денег дам, а ты о книгах реши. Ей же книги нужны. А я в этом... Только для культурности и читаю. Только ведь думать приходится, когда прочтёшь!.. Сделаем так. Ты покупаешь... Какие-нибудь две разные книги. Это ты сам решишь. А подарим порознь.

– К ней ты всё-таки придёшь?

– Барышням в приглашениях не отказывают. Эту мою шкуру я... Ну, напою побольше вечером. Чтоб она мне потом сутки жить не мешала! И – с книгами заявимся! А потом я от Кати навеки отдалюсь.

– *(Не сразу.)* Коля... Я ни на что не надеюсь.

– Так завоёвывай! Ты ж её почти покорила. Просто она ещё тебя не выделяет. А с Блоком этим проявишься – так и поймёт, что ты для неё. И главное, ты тонкий.

– *(Пауза.)* Коля... А ты считаешь... Ты – великодушный?

– Я барышню щажу. Потому что знаю жизнь, как она не знает... Я вот, если на отрубе укреплюсь... Посмотрю там, найду непорченную какую... Особенно если отец небедный.

– А о Кате будешь жалеть.

– Моё дело, Толяша! Понял? Мне вообще... Эта моя на дачу поедет. Хорошо, хоть долго выбирает.

Хочу, говорит, в лесном уединении, вдали от толпы и с близкими людьми... Ну ясно, ей там со мной спокойнее баловаться... Ладно, я хоть ещё как следует пожру!

– А потом всё равно в деревню?

– Это у вас в местечках нет хорошей земли. А то вы бы и немцам в колониях фору дали!.. Вы же умеете!.. Жалко вас! Ладно, я чего-то сегодня очень умный. О подарке давай думать. Деньги с меня, я тебе говорю!

– Есть Кнут Гамсун, норвежец. Он о любви пишет знаешь как? И о природе тоже... Ну и... Куприна можно.

– А у Куприна «Белый пудель» – здорово! Или «Штабс-

капитан Рыбников», о японцах... Я тоже читал... Короче говоря, Европу ты от себя делай. А Куприн – от меня. Если решились, помолчим давай. Может, у меня очень глубокие чувства...

7

Вот в связи с этими чувствами, дамы и господа, я и попытаюсь перейти на стихотворение. Только в прозе. Не знаю, может, выйдет совсем и не пародия. А просто подражание. Даже без реминисценций и без скрытых цитат. Это у меня иногда получается.

Рубеж вод Невы и Финского залива. Где именно – уточнять не будем. Захотите – так и доберётесь от Лахтинской улицы. Солнечно. А с берега можно разглядеть две головы – тёмную и русую... Далеко заплыли ребята. Но вот – возвращаются.

Коля Лутонин плывёт уже медленно. Тевлик Субботовский плывёт вслед за ним. Тоже старается рассчитывать свои силы. Наконец добираются до берега. Выбрались из воды. Стоят...

– Ты вот чего... – тянет Коля. – Я не пойду на рождение. Всем напорчу, и себе тоже. Я книгу надпишу, и ты передашь. Ещё открытку налажу. Не бойсь, я грамотный. А дальше Ка-

терина твоя. С умом только к ней...

– Решил сразу потерять?..

– Мать терять было страшно. И отца потом. Ты вот своих оберегай. А барышни... Пошли поедим. Я всё сказал.

На этом поэзия и воспоминания обрываются.

8

Всё сказанное и описанное выше мы позволяем себе свети к нижеследующим суждениям.

а) Никакая дидактика, связанная со школьными программами, не способна помешать непосредственному восприятию наследия И. С. Тургенева. Особенно если оно ещё актуально, а подростки отвыкнули читать лишь в очень далёком будущем.

б) Жизнь влияет на литературу, чтобы последняя моделировала жизнь. Так что в конце концов даже неясно, кто из них у кого сдувает и слизывает. Я вот не разобрался, у кого что списал.

Поэтому просто пожелаю счастья в наступившем XX веке Тевлику Субботовскому, Коле Лутонину и Кате. Об их же кумирах, чья судьба известна, по этой причине умолчу.

III. Опыт ленинградской саги в малом формате

и с оглядками на опыт Тевлика Субботовского

Седовласый, черноглазый, смуглый и стройный старик встал из-за стола и поглядел на своих внуков, которые остались сидеть. Их было двое: достаточно взрослая девушка и мальчик-старшекласник. На дворе, и уже без участия Александра Блока, варилась середина советских 1960-х годов. Но это только так, информация для сведения.

– Володя, – обратился старик к мальчику. – Ты всё-таки не увлекайся только джазом. Во-первых, свою независимость мне показывать не надо. Мы в твои годы, в условиях столыпинской реакции, стояли на ногах так, что ты бы не выдержал. Говорю серьёзно. Кроме того, Дмитрий Дмитриевич задолго до твоего рождения думал о джазовых веяниях. Может быть, музыковеды об этом напишут по-другому и пренебрегут моими свидетельствами современника. Ладно, я не обижусь... Скольким людям на моих глазах плевали в душу хоть сверху... А могли и сбоку. Свою совесть успокаивали тем, что вот эти вещи им как будто не нравились. Ладно, я

об ином. Вот, посмотри и ты, и Ирочка.

Анатолий Семёнович Субботовский, доктор физико-математических наук (ну, Тевликом его называть уже возраст не позволяет!), поднял с небольшой этажерки книгу и переложил её на стол.

Девушка сразу всмотрелась в портрет представительного военного на обложке. Ниже этого портрета красовалась надпись: «Комкор Николай Лутонин».

– Я мог бы рассказать, – продолжал Субботовский, – какую школу этот человек прошёл на питерском дне до того, как вовремя заработать и уехать в деревню. А потом он вообще присоединился к стольшинским переселенцам, были такие. И уехал подальше Байкала. Тогда ведь тоже были переселенцы, не только каторжники. Осваивали Сибирь на тех же основаниях, что начали сейчас... Ладно, после... Того, что сложилось при Сталине... В общем, Коля мне долго оттуда писал. Конечно, редко. Но мой папа и ваш прадед эти письма так внимательно воспринимал... Болел душой за парня! Мы же его и кормили, и ночевал он в моей комнате. А главное, я ему давал читать хоть того же Тургенева – и он тогда осознал, что книга помогает ориентироваться в человеческих душах. Без этого, возможно, он бы и получил свои нашивки. И в наше время, и тем более в Первую мировую... Но в этой книге написано, как он убедил целую казачью сотню оставить нежно любимого ею атамана Семёнова! Даже если преувеличено, то не очень! Меня вот он тоже расположил...

Я бы в пятнадцать лет за него... Хотя в больницу с множеством переломов!

– Тургенев... – протянул Володя.

– Только не говори, что от него скука! Ладно? Люди глупы, если не могут вовремя отбросить трафареты. О Тургеневе – лучше отбросить. Поверь, это – глубокий ум. Я вижу, тебя интересует, как он воздействовал на душу без школьных программ. А вот догадайся сам!

– Дед, ты всё-таки стихи никогда не писал? – поинтересовалась Ирочка.

– Мои таланты проявились... где? Вообще, извини, тебе бы наряду с учёбой бухгалтером поработать в отцовском предприятии, готовом всё время вылететь в трубу! По волчьим законам капитализма... Хорошо, если ты вовремя разберёшься, готова ты учить детей или же делать фундаментальную науку! – Видимо,

Анатолий Семёнович, говоря это, уже немного устал. Во всяком случае, после этой реплики он сел.

– Дед, по-моему, главное – любить детей, – отозвалась Ирочка. – Иначе никакой тупик не распадётся.

Пауза. (Володя, кстати, слушал сестру очень внимательно.)

– Знаешь, милая моя внучка... У тебя, конечно, упорство не только от меня. И даже не от твоего папы с его орденами... У такого деда, как Дмитрий Кузьмич, тоже можно научиться не только игре в шахматы на генеральской пенсии... Ладно,

я с ним на его даче ещё сражусь... Только ты мне скажи... Когда ученик на уроке тебе заявит гадость в глаза, ты с ним скандал затеешь или продолжишь урок?

– Отвечу как можно взвешеннее. Потом продолжу.

– Правильно. А почему? А потому, что парень хочет сорвать урок. А учительница взлетит нервами. И пойдёт у хулигана на поводу, ничего не осознав. А хулигану только это и требуется. Ты с однокурсницами своими поговори... Чтобы убивали в себе истеричек. А то – никакой учёбы!

– Дед, – протянул Володя. – Знаешь, ты как будто сейчас пересказываешь собственную жизнь. Чувство такое.

– Это потому, что дети подчиняются не книгам. Чтобы работать учителем до семнадцатого года, я должен был... Видимо, всё-таки пришлось бы креститься. А когда при советской власти я пришёл в единую трудовую школу... Моё происхождение ребята там иногда поминали! Причём на уроках. Только вот потом извинялись. Я этого добился. В одних дворах росли, как-никак! Ну, если учесть, что я был и санитаром в германскую войну... Как Вертинский, я знаю. Мой папа не хотел, чтобы я из-за этого бросил студенчество. Но я бросил. Хотя бы и на время. И вам советую не бояться трудностей. И опасностей.

– Дед, – вдруг отозвалась Ирина. – А как, по-твоему, вот этот... Лутонин? Ты бы мог его встретить среди раненых?

– (Пауза). Георгиевский крест или даже побольше одного парень заработал не в тылу. До германской войны он доволь-

но долго бродяжничал по стране. Потом был добровольцем, их тогда называли охотниками. А когда он стал большевиком, его из-за наград и ран солдаты слушали, как соловья. И потом, в Сибири и на Дальнем Востоке, ему, очевидно, тоже верили...

– А нам будут верить?..

– Лично тебе? Если ты упросишь директора не выгонять хулигана, который тебе жизни не даёт. Для кого-то это будет знаком твоей силы. Таки да, как сказал бы мой отец. А дальше – работай с мозгами этого парня. Логикой можно подействовать на всех.

– Если бы так...

– Володя, у тех, кто тебя, Володю Телицына, захочет раздавить, тоже будет работать не стремление к хаосу. Человек хочет преуспеть. Только для этого он решил раздавить лично тебя. Не смотри на меня так. Ежовщина на этом и паразитировала. И самое скверное – с этими мерзавцами до сих пор никто ничего не сделал. Ну, может быть, кто-то слушает их поменьше.

– Из-за них Бродскому до сих пор никаких ходов нет.

– Ирочка... Хорошо, если человек вообще готов к таким вещам. Блок, в конце концов, просто нажил рак, насколько я подозреваю. А что перенесла бедная Анна Андреевна! Но... Это вопрос о том, много *ли* кошмаров выдержишь. Я вот выдержал ополчение, потом – здесь всю блокаду... Спасибо,

хоть твоих бабушку и маму удалось выпихнуть в эвакуацию! Тем более там состоялась встреча с твоим отцом. Счастье среди горя!

– Дед...

– Ну пожалуйста, не реагируй. Ты ещё не знаешь того, что я видел в первую зиму. Пока я щажу психику. Твою и твоей сестры. Потом узнаете, у Берггольц об этом написать не хватит духу! Только мне после этого уже не было страшно ничего. Когда бабушка умерла, я, вообще, беспокоился не за себя, а за вашу семью. Хотя рядом с моими анкетными данными Сталин знает что творилось!

– Дед... А вот с этим... Лутониным ты общался? Ну, в советское время?

– Молодец, мой мальчик! Научился задавать вопросы на засыпку! Отвечаю... Как-то, когда я уже делал фундаментальную науку и даже прославился, меня погнали читать лекции на какие-то командирские курсы. Так Коля... То есть теперь Николай Демьянович... Нагрязнул с инспекцией из Москвы. Проверял так жёстко... А меня узнал, и я потом с ним очень долго беседовал. Приватно. Естественно, спиртное на столе было. Прошло ещё сколько-то лет, и я уже был рад, что эту встречу никто не запомнил или не заметил. Во всяком случае, со мной всё же ничего в тридцать седьмом году не случилось.

– Дед... А как ты думаешь, такое ещё возможно? Как в тридцать седьмом?

– Володя... У тех, кто это сам тогда пережил, да ещё в кабинетах, на второе издание духу не хватит. А вот запугивать людей будут, чтобы из-под их власти не выходили... Дальше – ваше дело, как среди этого строить свою судьбу. Я-то что... Сам подумай, сколько мне осталось. Да я и привык, что жизнь меня то наградит, то обойдёт... Вот эта моя первая любовь, я вам рассказывал... Последнее, что я о ней знал, – это что она стала сестрой милосердия в ту же Первую мировую... А дальше что? Если она оказалась где-нибудь в эмиграции, может быть, это для неё было очень плохо. Она любила Россию... А если в этой связи свернуть на её личное везение? Дворяночка, и ещё довольно родовитая, сам понимаешь... Ладно, на такие вопросы надо отвечать всю жизнь. Так может, вы и ответите...

– Дед, мы всей правды, наверное, не знаем.

– Вот поэтому, милый, я вам и рассказываю по чуть-чуть... А что вы думаете, Дмитрий Кузьмич на фронте видел и нечто похуже моего. И ваш родной отец тоже... Я это понимаю. Правда может иногда и убить. Поэтому давайте пить чай, как в плохих пьесах. Поверьте, я устал от разговоров, как и вы.

Володя и Ира как-то послушно удалились на кухню. Анатолий Семёнович же начал колдовать над магнитофоном. Потом сел в кресло, откинувшись на спинку одного. Снял очки. Протянув руку, положил их на стол. Прикрыл глаза.

«Осенние листья шумят и шумят в саду», – разнеслось по

комнате. Уточним: пела великая Надежда Андреевна Обухова...

Видимо, в Ленинграде тоже была осень.

18.08.2017

01.04.2018.

Незадолго до одной катастрофы

Рассказ с очень сильными реминисценциями

*Точные ощущения сильной любви
невозможно восстановить в памяти...*
И. Меттер. «Пятый угол»

Примерно середина июля 1914 года. Стиль, конечно, старый. Во всех смыслах.

К примеру, в этих питерских меблированных комнатах (они же – номера) обстановка новизной не отличается. Что-то в стиле модерн – не помню что, – конечно, есть. Но в основном – сборная какая-то мебель. В смысле – эклектически подобранная. Да и номер сам по себе такой, чтобы только маленькому человеку с барышней вечер или ночь провести.

Катя лежит с открытыми глазами, натянув легчайшее одеяло до подбородка. Рядом – Тевлик Субботовский. Он ещё спит. Или просто у него глаза закрыты – сразу не скажешь. Излишне отмечать, что эти наши герои уже не дети.

Хотя – молодость... Вот и одеяло у пары общее.

Но Тевлик открывает глаза. Не поднимая голову с подушки, обводит взглядом комнату. Чувствуется, что он немного

близорук.

– Катюша... Ну здравствуй, милая женщина.

– Доброе утро, Толенька.

– Полежим ещё немного. Спешить некуда, и в целом вроде рано.

Тевлик вынимает из-под одеяла голую руку. Повернувшись, гладит Катю по голове. Потом просовывает ей руку под затылок.

Катя поворачивается как-то так, что в итоге Тевлик под одеялом обнимает её за плечи. Потом – лежат... И тихо. Да и разговоры очень негромко звучат.

– Ещё даже никто не проснулся, – нарушает молчание Катя. – Вон там, по соседству.

– После бурной ночи отдыхать надо всем, – философски отзывается Тевлик. – Но что было делать? Не у тебя же и не у меня устраиваться. А тут, кстати, и коридорный – свой парень. Дрались когда-то в одном строю. Теперь всегда готов помочь старому товарищу. А что я еврей, ребят, кстати, никогда и не раздражало.

– Сейчас о ненависти лучше не думать.

– Тоже правильно. Ещё нервы на эти мысли тратить... Лучше – о любви... Катенька, а ты понимаешь, что вся наша жизнь теперь разделилась? Вот так – до этой ночи. А вот так – всё, что будет после. Тем более мы первые друг у друга.

– Мы любим друг друга.

– Поэтому и первые.

Помолчали. Теперь уже Катя осмотрелась, чуть-чуть приподнявшись. Раза два её взгляд останавливался на обуви, одежде и нижнем белье – мужских и дамских. Как-то уж очень аккуратно и то, и другое, и третье было разбросано по всему номеру.

Катя положила голову Тевлику на плечо, повернувшись под одеялом.

– Знаешь, кого ты мне напомнил этой ночью?

– Кого?

– Да просто... Ты ведь знаком с картиной «Явление Христа народу»?

– А что?

– Там, на первом плане, в левом углу... Юноша, вылезавший из воды... Ну, вспомнил? Вот ты совсем как он. Только тело у тебя более смуглое. И ты, наверное, сильнее. Для меня ведь совсем стало сюрпризом, что ты ещё и боксом владеешь.

– Приёмы бокса – это самые лучшие спутники в вечерние часы. После тебя, конечно... А вот ты... Катюша, ну с кем бы тебя сравнить?... Я ведь интеллигент в первом колене. Поэтому мне на ум банально приходит Венера Милосская. Только у тебя тело более совершенное. Тоже более сильное. И ловкое, понимаешь?

– Я всё-таки знаю, как верно следить за собой. Правильно, что мы почти всё своё постельное принесли.

– Так и я образование не только на улице получал. То есть

получаю... А скажи, Катюша... Юноша и река... Это намёк, что я побываю в церкви три раза?

– Почему три?

– Ну... Первый раз – креститься. Второй – тебя вести под венец. Третий – крестить уже нашего ребёнка. Прочее – как Бог на душу положит.

– О Боге тоже не будем. Я ведь о юноше говорила. А куда Бог приведёт его, тебя... Ну, нас...

– Да, обстановка тут не для высокой мистики. Хотя Достоевский беседовать на эти темы людей в трактиры посылал.

– Просто мы должны быть вместе. На любом пути.

– Конечно.

– Просто знаешь... Иногда в сознании возникает внезапно какой-то образ. А потом примеряешь его к людям. А вдруг подсказана какая-то дорога? И людям, и тебе? И мне, конечно.

Заговорив о Боге, Катя приподнялась уже так, чтобы смотреть Тевлику прямо в глаза. А он повернул к ней лицо. Отвечая, взгляд не отводил.

– Послушай, – протянул Тевлик. – Ты ведь с Лёвой Гликманом как всегда? Ну, здороваешься по-хорошему?

– Поводов ссориться не было. А что он?

– Да просто. У него ведь дедушка – больной и старый меламед на покое. Ну, учитель Закона Божьего.

– Я это давно знаю. А в чём дело?

– А старика, видишь ли, огорчает, что мы выросли атеи-

стами. Лёвчик вообще марксистом заделался. Так вот, дед ему и мне внушает, что любые попытки красиво устроить земную жизнь ничтожны перед волей Бога. Разгневаётся Бог на людей, захочет их покарать – и жизнь им разрушит. Знать бы только за что... А другие люди этому посодействуют. По разным причинам.

– Но ведь жить из-за этого мало кто боится. Хотя самоубийств за последние годы очень много...

– Я о другом. Понимаешь, Катюша... Я вот думаю, что свою жизнь люди переворачивают по-разному. Иногда они просто и тихо стирают границы между сферами и кругами. Причём за долгие годы. И сами этого не чувствуют.

– Ты о чём?

– Ну вот смотри... – Тевлик приподнялся и устроился на постели поудобнее. – Возьмём хотя бы наших прадедов. У твоего были дворянские балы, приёмы, охоты. Только давно. Скоро ведь даже русские ребята будут о них узнавать только из «Войны и мира». Толстой, по-моему, был единственным, кто ещё это помнил... Да, а мой прадед в те же годы ваял бочки в своей Субботовке. И оба прадеда верили в Бога. И, скорее всего, считали, что их жизненный уклад будет очень долгим. А что уже теперь? И, главное, что потом может случиться?

– Скажи, пожалуйста, – ответила Катя. – Прости, я тоже немного о другом... Как дела у твоих друзей?

– У кого именно?

– Алёша Панкратов, Даня Либенсон... Я говорю про них.

– Вот тут скверно. – Тевлик мгновенно помрачнел. – Из них уже за агитацию во время забастовки душу вынут. При этом Алёша ещё и городского булыжником угостил. И Даня тоже дрался. В общем, мальчики сидят крепко. И легко не отделаются.

– Если им нужны свидания... Выдать себя за невесту я готова.

– Девчонки надёжные у них уже есть. У обоих.

– Толя... Извини... А ты в эти дела...

Катя не договорила.

– Да просто мы общаемся, как все люди. Моё дело – учить-ся. И теоремы доказывать. Конечно, если товарищ попросит кому-то помочь или что-то спрятать... С краденым я в жизни не свяжусь, да ко мне с этим и не пойдут. А вот по политической части спрячу всё что угодно. Да так, что век не найдут. А на меня и не подумают. Я это умею.

Лицо Тевлика было спокойным и твёрдым. Этому впечатлению не противоречила даже близорукость глаз.

– Чтобы я друзьям не помог, да ещё фараонов к ним привёл... В каком дворе это видано? А если ещё серьёзнее... Будущее принадлежит вот таким. То есть революционерам. Это однозначный вывод.

– Ты думаешь?

– Половину Питера забастовками недавно накрыл не «Союз русского народа». А ещё есть Баку, Ревель, Москва, Ри-

га... И вроде бы Николаев. Общественная жизнь, Катенька, подлежит и поддаётся анализу не меньше, чем мир чисел и фигур.

– Но забастовки могут подавить. Агитаторов пересажают. Кризис, если он есть, рано или поздно пойдёт на убыль.

Тевлик сел на постели. Расправил голые плечи. Начал тихо и чётко напевать, отбивая такт пальцами по прикроватной тумбочке:

Мрёт в наши дни с голодухи рабочий —
Станем ли, братья, мы дольше молчать?
Наших сподвижников юные очи
Может ли вид эшафота пугать?
В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей.
Их имена с нашей песней победной
Станут священны миллионам людей.

... Одним словом, социал-энтузиазм города берёт. Равно как и деревни.

Сказав это, Тевлик вдруг рухнул головой на подушку. Его голая грудь так и осталась неприкрытой.

– Ты знаешь, я заметила, что «Варшавянку» во все годы нашего взросления исполняли каким-нибудь оригинальным способом. То во время еды, то просто разучить пытаются и не могут. Я уж не говорю о том, что спяну. Не удивляюсь, что писатели тоже способны это подметить.

Для девушки, которая минуту назад молниеносно прикрыла свою наготу сдернутым было одеялом, Катя держалась на редкость уверенно. Можно сказать, как строгая учительница на уроке.

– Это потому, женщина моя, что энтузиазм в годы реакции иссяк. Плюс истощение реальной силы. А сейчас ребята расправили крылья. И начальство, как всегда, в мундире, но без штанов. Признаки безошибочные. Это я тебе заявляю как студент, близкий к социальным низам.

– Понимаешь, Толя, я всегда верила, что человек вынесет любое испытание силой своего духа. А если человек голоден и озлоблен – разве он силён? По-настоящему?

– У Ницше тоже было расшатанное здоровье. Я уж молчу о Достоевском. А тут... Вообще-то, конечно, разбираться в этих партиях всё равно, что перебирать коллекцию насекомых. Но у эсдеков есть серьёзные люди. Вроде фракция там одна... Вот Лева, Алеша и Даня, по-моему, тянулись именно туда. Причем там народ терпеливый. Умеет ждать своего часа. И, знаешь, внимательного человека эти напугать могут.

Тевлик лежал спокойно и говорил размеренно. Теперь в его голосе отчётливо проявились какие-то лекторские нотки.

– Я не о себе, конечно. Я ничего не боюсь. Но год назад... Запомнил я одного парня. Даже больше года... На Путиловском, что ли, работал... Ну, и к разным партиям приглядывался... По крайней мере, он так говорил. А вообще, кажется, болтается повсюду. Симпатичный парень, низкорослый

только. Но девушкам он нравился. Коля Ежов... Меня моложе... Ну вот, таких никогда никто не видит. Только им палец в рот не клади. А когда они симпатично улыбнутся и начнут долго и грубо кусаться...

Тогда поднимется вой: «Как же мы их раньше не заприметили?»

– Толя, а ты себе не противоречишь? Сам же позавчера говорил, что может быть большая война. И что мы из-за Сербии не останемся в стороне.

– А что, война революции может помешать? Вспомни пятый год.

– Как раз помню. Папа ведь под Мукденом погиб. Ты это знаешь.

– Прости, пожалуйста.

– Ничего. А будет война – брошу курсы и пойду в сёстры милосердия. Раненых оставлять без помощи подло. А уж отрезанную ногу из операционной я как-нибудь вынесу. Силы воли у меня хватит. Княжна Гедройц чудеса творит, а я чем трусливее?

– А я её не вынесу? Я имею в виду ногу, а не княжну Веру Игнатьевну. Вообще, очки мне уже требуются не только для чтения. Но раненого до операционной я таки тоже дотащить сумею.

– Я и не сомневаюсь. В тебе, мой любимый.

– А другой я людям и не нужен. Я это знаешь когда понял?..

– Я о тебе поняла иное. Тебя... Положим, оскорбляют. А ты не гнёшься, не ломаешься и уважаешь себя.

– Товарищи у меня другие? Да и отец... Знаешь, раз уж мы решили полежать и поболтать между разными бурями, давай перейдём к ещё более красивой теме.

– К какой же?

– Ну, хотя бы давай вернёмся к боксу. Понимаешь, когда я им овладел? Когда я рос, у нас с тобой на Лахтинской, в домах неподалёку жил один человек. Из латышей. Ты его не знала... А он... Кстати, как раз японскую войну прошёл. Теперь занимался разными вещами. Но нас этот Освальд Карлович обучал бесплатно.

Тевлик снова устроился поудобнее.

– Мы даже между собой церемонии завели... Коля Лутонин, Лёва, Алёша, Даня... Митя Бурлаченко... Ну и я, конечно... Как пойдём гулять или купаться – обязательно выберем место. И боксируем между собой. Причём не понарошку. И с купанием точно так же. Хоть вода ледяная – а мы всё равно в Неву... И соревнуемся – кто дольше проплывёт. Хорошая школа... Кому в драках держаться помогала, а кому-то и в учёбе...

– Согласись, что из тебя всё-таки вышел студент, а не хулиган. И с твоими друзьями всё непросто.

– Но я же не революционер, курсистка моя милая. Положим, в мешчане я тоже никогда не попаду... Просто люди у нас плохо понимают, какое это важное оружие – ясный прак-

тический ум. Человек на туманной поэзии далеко не уедет. Даже в наше поэтическое время. Это и Блок, мне кажется, осознал.

– А как тебе Гумилёв или Ахматова?

– Очень ясные люди. На мой вкус, во всяком случае. Всем бы так писать.

– Главное... Они – хозяйева своей судьбе и своим чувствам. А дальше...

В дверь постучали.

– Извиняюсь, – промолвили из-за, видимо, достаточно тонкой двери.

– С добрым утром, Родя, – отозвался Тевлик. – Прости, что не впускаем. Что-нибудь случилось?

– Ничего, Толя. Но скоро постояльцы начнут просыпаться. А ты сказал предупредить.

– Спасибо.

– Не надо ли чего?

– Благодарю вас. Не беспокойтесь, пожалуйста.

– Родион, мы сейчас соберёмся и уйдём тихо. С тобой переговорю до ухода. Тогда и разочтёмся.

– Сделаем. Опять извиняюсь, барышня.

– Не за что. Спасибо вам, Родион.

Я, кажется, забыл упомянуть, что кровать стояла чуть ли не впритык к двери. Тесная мебелирашка, что ж поделаешь.

– Любопытно, за кого он меня принял? – нарушила молчание Катя.

– Он же с нашей улицы. Поэтому просто и сознательно тебя не узнал. Парень вежливый. И не болтун.

– А почему я его не вспомнила?

– Так он живёт на том конце. И в наш дом редко заглядывал. Петербургская сторона – не деревня, Господи Боже!

– Ну да...

– Ладно, мне тебя ещё на вокзал провожать. И домой захватить. Чтобы оттуда уж тоже к маме на дачу. – А...

– А отец, я же говорил, ни о чём не спросит. Есть у него сейчас такая поговорка: «Тебе жить».

– Ну, Зоя меня покрывает ничуть не хуже. И я её, и кухарка нас... Да просто мама помешана на приличиях. По старой памяти. Но к тебе-то она хороша... А если ещё и примешь православие...

– Ты моя жена. По-другому я на тебя не гляжу.

– Да, слушай... У тебя ведь день рождения скоро.

– Это точно. Уже будет двадцать... А знаешь, я ведь набавлять себе год только перед тобой и отвык. Ты в игры играть кого угодно отучишь. Я вот тебя уважаю ещё и за это.

– А что тебе подарить?

– Сегодняшней ночи мне, что ли, мало?.. Любимая моя...

Помолчали.

– Знаешь, Катюша... Мы сейчас совсем нагие. Только под одеялом. Так вот, при умывании и одевании давай не будем отворачиваться. Друг друга мы рассмотрели и взяли. Теперь запомним. Ну... Сколько нам ещё жизнь отмерит красоты и

счастья? Ты в чём-нибудь уверена?

– Только давай быстро. Ты сам говорил. Да, и постельное бельё здесь оставим. Если возможно.

– Конечно... «Ой, полным-полна коробушка...», – вдруг пропел Тевлик. И так же замолчал. Вдруг.

– Милый... Хорошо, что мы всё-таки счастливы.

– А ещё лучше, что знакомы с детства.

Анатолий Семёнович Субботовский отодвинул в сторону и бумагу, и авторучку. Он уже не раз замечал, что воспоминания ему из себя вытаскивать всё же трудно... И вот это... И об одном раненом, который умер у него на руках в 1915 году. И о жертвах одной газовой атаки... И о том, как Катя всем перестала писать... Или письма не доходили?.. Всё-таки наступил уже год семнадцатый...

К вымыслу прибегать не хотелось...

30.10–30.11.2018.

04.04.2019

Скрытая идиллия

Рассказ

1

Этот типовой кирпичный дом достоинством в несколько этажей появился... Ну, сейчас можно сказать, что давно. Питерский пригород, по которому в своё время прошлась война, после 1945 года превращался в спальный район. Тогда дом и возник.

Он стоит на юго-восточном краю пригорода, за старинными въездными воротами. От них тянется к железной дороге шоссе...

Что это? Пробка? Значит, переезд закрыли. Кое-кто даже готов пробираться между машинами без чуткой страховки от светофора.

Ну а дом... Немного в стороне. За полосой зелени. Трава, кусты и деревья разрослись, но запущенной полосу всё же назвать нельзя. Это здешняя особенность: вроде бы что-то растёт, «не ведая стыда», и никто ни за чем не смотрит. Только на деле – и симметрия, и надзор есть за насаждениями.

Коле Стремникову, который все четырнадцать с лишним лет своей жизни прожил в указанном доме, привиделось ещё с младенческих когтей, что цель движения – в одном. Чтобы из его русла люди пробивались в сторону, к покою. Тогда можно посетить родной подъезд. А с высоты столь же родного этажа, да из не менее родной квартиры... Увидеть всё из окна своей комнаты.

«Всё» – это масса любопытных вещей... Ну, шоссе с машинами, тут мы повторяемся. Но сейчас ещё кое на что укажем.

К примеру, по ту сторону шоссе – огромный пруд. Там летом собираются все жители пригорода. Но особенно люди из окрестных домов. А дома... Часть их тоже расположилась вдоль шоссе, если глядеть в сторону железной дороги. И тоже тонет себе в зелени. Там бывшие дачи императорских времён и даже бывшая вилла одного великого князя (на имена отвлекаться не будем). Ещё есть хороший дом-музей...

Но, признаться, мы здесь не гиды. И плохие краеведы вдобавок. Поэтому о конкретных строениях смолчим. Скажем одно. На чей-то взгляд, парадоксальное...

...Тут есть место идиллии.

Вечер. Точнее, белая ночь. Коля Стремников наслаждался видом из своего чуть прикрытого окна. А теперь зажѐг лампу. Задѐрнул шторы. Разбирает постель.

Светловолосый, крепко сложенный и рослый мальчик...

Между прочим, цель его жизни... Нет, конечно, это только одна из целей...

...Если от пруда взять немного в сторону, можно выйти к просторному парку. А там хватает статуй, выполненных в античном духе. Колю эти шедевры впечатлили рано. И он тайно постановил: обязательно наработать себе тело, как у одной из скульптур.

...Молодой человек, а табличку с именем близ статуи прочтѐте, когда захотите... Мощный, но не перекачанный. Нормальный ориентир для физического развития. Вроде Лѐшки Девятова. За Лѐшкой, бегая или плавая, еле угонишься, и по борьбе с ним сложно справиться... Девчонки к нему липнут...

Да нет, своей физической формой Коля доволен. Но... Себя нельзя запускать! Тут и бабушка права, и отец тем более... Однако спать уже тянет.

Раздеться до плавок, потушить свет... А хорошо в полутьме ощутить телом простыню. Это в одном рассказе верно заметили. Из литературы на лето...

Интересно, приснится сегодня что-нибудь? Или Надя, например?

Всё же сновидений не было. Зато сквозь сон, кажется, птицы пели. А дальше...

– Николай! Подъём!

Бабушка, как всегда распорядительная, но снисходительная и моложавая, стояла у Колиной кровати. И трясла внука за плечо.

– Давай-давай, как сейчас иногда всё ещё поёт молодёжь! Я и так тебе отпустила лишний час сна. Скажи спасибо, что на уроки уже не надо.

– Сказал уже. Мысленно. – Бросив бабушке эти слова, Коля садится в постели. – А мама с папой уехали?

– Мама на рабочем месте. А папа до своего, надеюсь, вот-вот доберётся. Даром что пробки. Вылезай.

Коля подчиняется, но с независимым видом.

– Ну что, любимый внук? «Упал-отжался».

– Как мой тёзка в твоём детективе.

– Тот вырос подонком, бандитом и убийцей. А тебе надо тренироваться... В каких целях?

– В мирных и конструктивных.

– Работай.

Бабушка идёт к двери.

– Темп поддерживай, как всегда... И чтобы не халтурил.

Это я для профформы, не заводись. В советской жизни я бы наблюдала, делаешь ли ты зарядку. А теперь сам собой учишь командовать.

Исполнив все указания, Коля натягивает шорты. Прибрав постель и захватив майку с собой, идёт умываться. Ни носки, ни тапочки не украшают его ног. В ванну наш персонаж не лезет. И не включает гибкий душ. Зато поворачивает трубку крана. Была она над раковиной – нависла над ванной.

Продозировав холодную и горячую воду, согнувшись, подставив свой торс под струю, стараясь не намочить ни шорты, ни волосы, очень ловко изгибаясь с последней целью, Коля ловит радость. Похоже, он её поймал... Так, пустим в ход мыло... Теперь смыть и вытереться. И остальная личная гигиена... Хорошо, что нигде нет прыщей. Ни на теле, ни на лице... Причешемся...

4

А стол на кухне бабушка уже накрыла. Покосилась на босые ноги внука.

– Садись завтракать. Между прочим, пол холодный.

– Зато чистый. Забыла, кто его мыл? И вообще, на прочность не проверяй.

Всё это Коля выговаривает без малейшего признака оби-

ды. И весело накидывается на еду.

– Ладно, *отрок-спартанец*. Тем более сейчас тебе мыть только посуду. Потом можешь идти. Ты на пляж или в парк ещё?

– В парк тоже хочется.

– Я, знаешь, сама любила гулять по нему в будни. Кажется, об этом тебе ещё не рассказывала. Так, ну... Деньги и список для магазина я тебе приготовила. Как говорят в криминальных кругах, не свети ими. А также телефоном и... Чем?

– Ключами. Обижаешь, между прочим.

– Тебя обидишь... – Бабушка потягивает чай из чашки. Не потому, что хочет или надо, а чтобы внук в одиночку не завтракал. – Сейчас, вообще-то, не лучшие для вас дни. У родителей отпуска не у всех... Хорошо, если есть кому и где вас занять.

– Тебе тоже есть чем заняться. «Молчание ягнят» вчера не я смотрел. Или Висконти найдёшь.

– Я до сих пор заполняю пробелы в эрудиции. А твоя превосходная личность, разреши напомнить, только формируется. Поэтому, если напорешься на страшилки и кино для взрослых, учись воспринимать случайно увиденное... Как?

– Критически.

– Ещё как?

– Без непродуктивных эмоций.

– Молодец! Если в сознании оказывается лишнее...

–.. его не надо принимать за насущно необходимое.

– Давай-ка без пищи во рту... Что надо, чтобы отличить лишнее от нужного?

– Умение анализировать факты.

– Чтение моралей окончено. Согласись, получилось не хуже, чем в приятных для меня фильмах или книгах. Дирижируй посудой в раковине и двигай на весёлый ветер. А мне, как старухе, тоже будет чем заняться.

... Это только введение в идиллию. Идиллия ещё попросит возникнуть.

5

Коля лавирует между машинами на шоссе. Он может себе позволить такое. Пробка как минимум минут на десять... А кто в здравом уме и трезвой способности к манёврам будет давить пацана?

Всё!.. Впереди – пруд и свобода. От автотранспорта.

Как же весело после асфальта идти по немощёной аллее!

Их две, этих аллей. Они и облекают пруд с обеих сторон. Сбоку от каждой – пляж. На левом (если глядеть от шоссе) берегу – по правую руку. На правом же – по левую. Коля спешит на левый берег.

Дальше, за прудом, аллеи сольются в масштабную развил-

ку. А оттуда пути в разные стороны. И к железной дороге, и к соседнему пригороду, что за её полотном. И есть несколько тропок направо вверх, в сторону жилых кварталов.

Между всеми этими путями – рощи и поляны. Тоже, по существу, парк. Но он очень запущен и временами смахивает на лес. Как-то довольно давно, ведя урок по краеведению, Софья Эммануиловна рассказала Коле и его одноклассникам, что при царях эти земли отдавались под дачные участки и для прогулок...

Так погуляешь! Зимой, например, в темноте... И старшие пацаны побить могут. И бандиты забьют стрелку – типа разборки... И Зимний Маньяк вылезет. Типа Чикатило. А то бы не дёргались мамы и папы!

Надо заметить, в ту пору Коля решил сдать экзамен по смелости. Дело было в декабре. Иными словами, стемнело Бог знает в какую рань... И Коля пришёл к пруду... Нет, кое-где, конечно, фонари горели. Но по большому счёту, тьма стояла такая, что стукачам с операми встречаться впору! А людей не было.

Так Коля, уподобившись классическим примерам, решил себе доказать, что он не боится темноты и реалий её... Доказал же это раньше Лёшка Девятов, пройдя вечером половину данной местности рядом с какой-то пьяной компанией!

Правда, людей там было несколько. Взрослые мужики, да ещё с бабами. Они просто угол срезали. На Лёшку почти не глядели... И всё равно... Когда Коля случайно столкнулся с

ними, и Лёшка был рядом... Хотя снимай видео и в Интернет выкладывай!

...А я вот один! Далеко не полезу, но пруд кругом обойду! Весь...

И обошёл! Между прочим, Зимний Маньяк не появился ни из одного тёмного угла. Да, может, его и выдумали журналисты... Жертв ведь никаких никто не нашёл. А Коля, проделав путь вдоль левого берега и вернувшись в исходную точку по правому, был в восторге из-за того, что победил страх. Да... Теперь можно домой! Девочка Дубравка из старого фильма Колю бы поцеловала... Потому что он её не хуже!

...Хотя мы отвлеклись. Надо говорить об идиллии, а мы – о препятствиях. Тем более что сейчас не зима. И любимая девочка Коли – не Дубравка в кино. А Надя. В жизни.

Опять же, прошло после того похода несколько лет.

6

Итак, что с идиллией?

Начнём с травы. Вот тут, на левом берегу, – целая лужайка перед песчаным пляжем. Ходить по ней Коле особенно нравится, если небо серое, но дождя нет. А воздух... Он тогда серебряный какой-то.

Неплохо, если облачно, но солнце есть. А когда солнце всё прогревает, как сейчас... Коле в такие минуты кажется, что вот-вот вокруг зазвонит музыка. Неважно, какого стиля. А люди под неё легко переведут свои проблемы в сторону. И пешком доберутся сюда. Купаться и развлекаться. Многие. Или только немногие...

Но сейчас всё не так. Единственный человек здесь – Коля. Одежда его у ног легла... Переведя дух, он спокойно входит в воду. Немного поплавав, берёт курс на правый берег.

За последним виден бульвар. Там тоже проезжая часть. Движение большое, хотя и не как на шоссе. Да, а с шоссе-то бульвар пересекается. Прямо перед теми же старинными воротами. Вот на это ещё надо указать.

...Когда вновь становится мелко, Коля плывёт назад.

...Вылез из воды. Пршёл к одежде.

7

Куда теперь? Весь мир открыт... Хотя и не очень надолго.

Коля вспомнил, что он ещё ни разу не загорал. Хотя загорать лучше всего, если жара настоящая. И после полудня.

Между прочим, сколько времени?.. Коля нагибается к своим шортам, достаёт из кармана мобильник. Глядит на... Ну, ещё время до двенадцати тянется...

Вот бы так... Чтобы Надя сюда пришла! И купаться захотела. Даже не одна если... Это ничего.

А вдруг не придёт сегодня? Ждать тогда глупо...

Позвонить бы ей. Да и так уже два раза на свидания лез... Правда, Надя не могла реально. В обоих случаях.

С мобильником в руках Коля болтается вокруг собственной одежды... Толком не обсохнув, кладёт телефон на песок. А потом одевается, подбирает телефон. Быстро суёт его в карман. Натягивает носки и кроссовки. И идёт по левому берегу.

Вот и пруд остаётся за спиной.

Вдруг Коля сворачивает назад. Выбирается направо, то есть в итоге на бульвар. А по ту сторону бульвара – въезд в переулок, в который выходит фасад очередного из бывших великокняжеских дворцов.

Коля бежит вполне спортивным образом. Пересекает бульвар и врывается на проезжую часть переулка. (Правда, там машину перед дворцом встретишь редко.) Дальше – мост, проходящий по плотине между ещё двумя другими прудами. Теперь – через него, но тут лучше по тротуару.

С моста – новый поворот налево... Наконец – прямо через последнюю на этом пути проезжую часть... Вот так иногда срезается угол!

Сказать, куда Коля в итоге выбрался?

Всё правильно, вы угадали. Просторный парк. Главный в пригороде. Известен на весь мир.

Коля стоит у ограды. Снова смотрит по своему мобильнику... Видимо, время у него пока есть. Да и голова срабатывает точно. Иначе бы он не пошёл покупать билет.

А в парке... Там, на пространстве между двумя павильонами... Вот интересно, что лучше: радоваться, но просто идти? Или радоваться, но бежать?

Счастливый всё-таки народ – дети... Им можно бегать без оглядок...

Вот так – по небольшим аллеям. Запутанным, но на деле проложенным симметрично. А деревья-то над головой густые – парк не слишком регулярный. Рывок... Ещё один рывок... Ну куда ж и тут от очередного пруда денешься? Тем более в парке этот пруд – центральный. Всё вокруг него, по его берегам. Половина – точно.

Коля старается не налетать на людей. Да и на правой руке у него мелькнули регулярные посадки. Там, конечно, тем более надо не бегать, а классически ходить.

Особенно когда в париках и с широченными юбками на каркасе... Фижмы, что ли? И царицы их носили, и вообще

все дамы... А Надя могла бы быть царицей? Да нет, скромная слишком. Но фрейлиной могла бы... Типа помирнее. В фаворитки к великим князьям её уже не надо...

Впрочем, на эти темы Коля думал довольно давно. Мы что-то отвлеклись.

К тому же классическое начало опять переходит в романтическое. Держась вдоль берега пруда, Коля берёт влево от регулярных аллей. А там и от дворца с громадными к нему пристройками. Ну... Осталось немного... Ещё как следует!..

Утёс! Разбитый сосуд на утесё... И сидит... Да нет! Надя всё равно красивее. Хоть во что её одень-переодень...

Коля стоит в стороне от этого фонтана. В какой уж раз вынимает мобильник... Выяснив точное время, светлеет от восторга. Через меню заходит в фотоальбом. Убедившись, что никто не присмотрится, подносит телефон близко к глазам.

На одной из фотографий – крупным планом чуть бледноватое лицо девочки. Умный взгляд... Красивые, густые тёмно-русые волосы... Это и есть Надя.

Коля как бы случайно задевает своими губами её изображение...

Он успокоился, положим, не совсем. Но ведь достаточно быстро...

Теперь Коля сидит на одной из скамеек в сравнительно тихом углу. И пристойно думает, что ему делать дальше...

Да нет... Это не то чтобы угол. Просто край одной из дальних аллей.

Оттуда – прямой выход к точке, где стыкуются границы сразу трёх парков. И ещё одного военного городка. Ну, теперь не совсем военного. Или не только... Но границы-то его сложились... Аж в девятнадцатом веке...

Впрочем, Колю это сейчас мало интересует. Он... Спасибо, если оценил, что ветви деревьев над головой густую тень создают! Потому что небо перекрывают. А солнце уже палит...

А вот о чём Коля задумался...

...Царица в жару... Она как должна была гулять? Под зонтиком?... Ведь дождь мог пойти... Значит, зонтик должен нести кто-то из слуг. Так? Тем более тогда будет комфорт... Короче, царица расслабится...

И вот тут бы к ней... С просьбой... Чтобы помогла... Софья Эммануиловна ту главу из «Капитанской дочки» конкретно так читала... Тьфу! Маша по тексту была девушкой... А я – пацан... Вдруг бы царица меня решила в фавориты взять? Значит, Надя тогда легла бы побоку...

Жалко! Надя ловкая. Что тихая – это не проблема... Ни один кувшин бы не разбила! И тело у неё лучше, чем у ста-

туи... Только... Это самое... Конечно, лучше после женитьбы. Или – прочная любовь без свадьбы. Если она есть, оформить можно всегда.

Но такой любви добиваться надо... Гумилёв же от Ахматовой добивался... И, главное, стихи такие... У группы «Нервный прикол» – и то качество похуже... Вон как их Софья Эммануиловна с Серебряным Веком сравнила... Слушать потом мне стало... Не очень!

Так... А я здесь, короче, почему?.. Может, Надя вообще... Купается уже? А я ещё и мороженого пожрал... Продают его, когда не надо...

Хотя там и карамель, и шоколад, и джем внутри... Вкусно же! Ланч не нужен...

Короче – назад! На пляж рядом с домом! На котором с утра купался.

10

Вот как раз на этом пляже Коля и встретил Надю...

Она вышла из воды. Спокойная и собранная. Вроде как родившаяся Венера. Только поверх бикини на ней была майка, плотно облёкшая тело...

– Привет!

– Привет! А ты уже с утра купался?..

– Откуда знаешь?

– Значит, рассказали...

– Информация, короче...

Надя села на песок, поджав ноги...

– Так мы же все здесь на виду... Ты ещё не понял?

– Да ясно... Надь, ты прямо скажи: я... тебе нужен?

Помолчали...

– А я откуда знаю? Вон... Лёшке Девятову сразу две нужны. Одна – красивая, другая... Короче, там ещё и папа бизнесмен. Посмотрим...

– А я загадал. И исполнилось... Ну... У тебя же мама – цыганка! Включи компетенции.

– На что загадал?

– На девушку эту... Ну, разбившую... На неё же все загадывают! И кино об этом снимали, и в книгах... Короче... Я решил... Если успею к ней сегодня в двенадцать...

– Так... Успел?

– Да!!!

Надя смотрела пристально:

– Думаешь, у нас судьба общая?

– Я...

– Ладно. Дай по руке тебе перегадаю...

– А давай!

– Не боишься, значит?

– Так тебя и в классе бояться не все. Из-за этого.

– Ладно, расслабься... Ехали цыгане... Так, белокурый

мой... Твоей судьбой я стану. Только ты меня не ревнуй по-тупому... И судьбу ждать научись. А дружба у нас будет... Вот секс... Попозже, конечно. В ближние годы совсем не надо... В эти месяцы ты мой образ храни душевно...

– Надь... О, и Колька тут!

– Здравствуй, Коля...

... Девчоночьи голоса раздались едва ли не с середины пруда...

– Не отвечай... Ладно, кивни!

– Ревнуешь?

– Не знаю пока... Думаешь, цыганка всю судьбу знает? Да я ведь полукровка. Вроде Козина... Помнишь, я тебе его послушать дала?.. А народ его знаешь как любил?

– Я тебя люблю! А что ты не поёшь...

– Ой, цыган шоу-бизнес раздавил... Ладно... Папа вот от Вари Паниной за коньяк берётся. А это знаешь, какая архаика? «Не уходи, побудь со мною...»

– Я тебя полюбил...

– Да понятно... Но ты иди... Тебе же ещё в маркет...

Надя мотнула головой в сторону шоссе (см. ранее).

– И вообще... Мы же типа формальные полудети... Значит, дёргаться нам пока надо поменьше. Сексуально – тем более. Понимаешь?

Так... Романтика вытесняется бытом.

Это значит, что Коля вваливается в родную квартиру. Аж с четырьмя мешками покупок.

А квартира завешана бельём... Значит, бабушка запустила стиральную машину два раза...

– Девушки! Уймите вашу мать! – раздаётся дамский голос от компьютера.

– А я думал, ты «Розыгрыш» смотришь, – адресуется Коля к бабушке.

– «Розыгрыш» – воспоминание о прекрасной юности. Да и те ребята были меня постарше... Плюс я – всё же не москвичка... Так, сейчас я тебе с сумками помогу... Потом умойся. И чтобы слопал у меня целую тарелку щей! А то наелся мороженого, я тебя знаю... Да это Бог с ним! Вот с алкоголем позднее научись не перебирать! А если попробуешь наркотики – всё! Тогда ты не человек, а ничтожный раб! Я, кстати, устала тебе это вбивать в самоопределяющиеся мозги! Оцени усилия бабушки!

– Ну ты ж у нас педагог! Правда, на покое.

– Скажи спасибо, что я твоему отцу в твоём возрасте мозги вбила! Куда надо... А то гудел бы он по криминальной дороге... Нет, мальчик был, положим, лихой...

...Бабушка и внук за чаем после щей.

– Надя-то к тебе как?

– А ты и тут знаешь?

– Бабушка я тебе или кто? Я понимаю, отец или мать что-то разглядеть не могут. А я... Сам видишь. – И... Как ты?

– В наше распущенное время ранние, но прочные союзы дороги. Только для девушки надо уметь приносить жертвы. Какие – не имеет значения. Пусть даже пока мелкие.

– В фильме «Чучело» и крупные были...

– Но там девочка приносила. А ты должен знать, что на эти жертвы никого обречь нельзя... Вон мама Нади... Как она за любовь расплатилась? Табор с ней всё отношения порвал! Эти наши... Дуры дворовые, и то её жалели.

– Я, значит... Типа... к жертвам должен готовиться?

– Жертва может потребоваться, когда не ждёшь. Значит, пока надо учиться делать её по мелочи. Но так, чтобы девушка сочла тебя надёжной опорой. И оценила твою прочность... В общем... Зачем Динара Асанова не оценила меня, когда я, дура, на «Ленфильм» лезла?!

Коля, имея дело с бабушкой, уже давно научился чувствовать, когда лучше ничего не говорить...

– Ладно... Как всегда, спасибо за молчаливое сочувствие... А... Дураком не будешь – так и Надю к себе привяжешь... Мозги-то у неё... Думаешь, я не разобралась? И знаешь... Поставь сейчас какую-нибудь группу из своих любимых. Если тебе тяжело.

– Давай лучше консенсус...

– Тогда Анну Герман. Кстати, оцени её дикцию.

– Тосковать будешь?

– Всем бы её внутреннюю силу... Тебе не кажется?

13

Ясно, чем и как кончится вечер. Приедут в семейное гнездо папа и мама. Их совсем не надо будет напрягать. Проблемами иных членов семьи...

В криминал ребёнок не впутался? Счастливым отцом его никто прежде времени не объявил? Или... Ладно, не усугубляем никакими иными гипотезами! Словом, день прошёл счастливо...

– Но в чём же здесь идиллия?

– «*Нет... или есть: минуточку терпенья...*» Вы её сами почувствовать можете?

09.06. – 29.06.22.